8P1
E-83

Б. И. Есин

ЧЕХОВ-

журналист

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Монография знакомит с журнально-публицистической деятельностью великого русского писателя с начала 80-х до середины 90-х годов. Книга состоит из двух частей: в первой - рассматривается сотрудничество в юмористической прессе 80-х годов, участие в газетах, анализируются путевые очерки 'Из Сибири' и книга 'Остров Сахалин', во второй - особенности чеховского газетного рассказа и роль писателя в становлении этого жанра в ежедневной прессе последней трети XIX в.

- Борис Иванович Есин
  - Введение
  - Журнально-публицистическая деятельность Чехова в 80-90-е годы
  - Писатель и газета. Из опыта Чехова-новеллиста
- notes
  -

Борис Иванович Есин
Чехов-журилист

Введение

Кого удивит новая книга о Чехове? Любимый писатель советского читателя всегда в поле зрения литературной общественности. Масса книг и статей о Чехове появляется постоянно в наших центральных и местных издательствах.

Свидетельством неослабевающего интереса к творчеству выдающегося реалиста конца XIX - начала XX в. является новое, предпринятое издательством «Наука», Полное собрание сочинений и писем Антона Павловича Чехова в 30-ти томах.

Сам этот факт говорит о многом. Впервые перед широкой аудиторией предстанет все, что создано А. П. Чеховым, все его художественное, публицистическое и эпистолярное наследство, имеющее исключительное значение для литературы, критики, теории литературного процесса и журналистики. Да, и журналистики. Последнее не должно удивлять, хотя на первый взгляд может показаться, что журналистскую деятельность Чехова целиком вбирает в себя его художественное творчество. Ведь утверждал Б. П. Балуев, что Чехов не был журналистом в 80-е

годы, а полушутливые, предельно скромные самооценки Чехова-журналиста истолковываются им как признание неспособности к газетной работе.

Строгость в отборе материала для хроники или фельетона Балуев расценивает как признак профессионального бессилия. Комментируя высказывание Чехова в одном из писем 80-х годов «в Москве событий нет», Балуев пишет: «Ни один журналист в полном смысле этого слова не мог бы никогда согласиться с Чеховым, что «в Москве событий нет». Напротив, событий, которыми интересовалась бульварная и вся буржуазная печать, было более чем достаточно. Но газетного интереса к ним Чехов не испытывал» *(Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х голов XIX века и русская журналистика. М., 1971, с. 142- 143.)*.

С удивлением думаешь, разве здесь дело «в газетном интересе»?

Дело в позиции человека. Из слов Чехова следует только то, что Москва жила бедно и неинтересно, а сам он не был заурядным журналистом буржуазной прессы. И это главное.

В рассказе «Два газетчика» писатель изобразил своего антипода - буржуазного журналиста Шлепкина, который, обуреваемый «газетным интересом», удивленно спрашивает коллегу Рыбкина: «Как же не о чем писать? Будь у тебя десять рук, и на все бы десять работы хватило». Он готов сто номеров заполнить вопросом о выеденном яйце, готов по поводу трагикомической кончины своего коллеги написать «заметку о самоубийстве, некролог.., фельетон по поводу частых самоубийств, передовую об усилении кары, налагаемой па самоубийц, и еще несколько других статей на ту же тему» *(Чехов А. П. Собр. соч. в 12-ти т., т. 3. М., 1955 с. 443, 445. Здесь и далее произведения и письма Чехова цитируются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.)*.

Да, таким журналистом Чехов не был. Но он был журналистом в том смысле слова, в каком мы называем журналистами А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского.

С его именем связана целая полоса в развитии русской журналистики. Как художник слова Чехов вырос и сформировался в значительной степени на страницах периодических изданий, всю свою жизнь был тесно связан с печатью, ее интересами, и это сказалось на его творчестве, так же как и его творчество оказало влияние на журналистику. И здесь важен не только сам факт его участия, а то, как много дал он журналистике для развития ее форм, жанров, содержания. В частности, чеховский опыт газетного новеллиста выходит за рамки простой публикации в газете его рассказов. Практика Чехова наложила заметный

отпечаток па саму газету, ее тип и структуру. В число лучших произведений русской публицистики вошли его путевые очерки «Из Сибири» и книга очерков «Остров Сахалин». Весьма поучительно его отношение к начинающим литераторам, массовой народной газете, вопросам этики журналиста. Эти и некоторые другие аспекты журналистской деятельности Чехова, связанные с опытом, практикой писателя и публициста, составляют содержание данной книги.

Об активной работе Чехова в журналистике говорит большое число журналов, в которых принимал участие писатель. Кроме юмористических еженедельников 80-х гочов, он сотрудничал в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Космополисе», «Жизни», «Журнале для всех», «Детском чтении» и некоторых ДРУГИХ. В журнале «Русская мысль» Чехов был редактором беллетристического отдела и, когда позволяло здоровье, активно участвовал в работе, «исполнял добросовестно возложенную на него миссию «чтения», как вспоминал один из сотрудников «Рvсской мысли», а по прочтении «давал очень подробные ответы» (Чеховский юбилейный сборник. 1860 - 1910. М., 1910, с. 472).

Сейчас можно считать точно установленным сотрудничество Чехова по крайней мере в 7 газетах: «Петербургской газете», «Новом времени», «Русских ведомостях», «Новостях дня», «Московском листке», «Смоленском вестнике» и «Крымском курьере», не считая газет, перепечатывавших произведения Чехова без его ведома.

В 80-е годы особенно активно работал Чехов в «Петербургской газете», поместив здесь, по подсчетам С. Балухатого, более ста рассказов. В их числе: «Налим», «Егерь», «Унтер Пришибеев», «Детвора», «Тоска», «Ванька» и другие.

С середины 80-х до начала 90-х годов Чехов сотрудничал в «Новом времени», опубликовав 43 рассказа (среди них: «Мечты», «В суде», «Хорошие люди») и ряд материалов, написанных в публицистическом жанре. Чеховские «Субботники», т. е. специальный беллетристический отдел, были организованы именно благодаря участию Антона Павловича.

В газете «Русские ведомости» писатель продуктивно работает в 90-е годы. С 1893 по

1895 г. напечатал здесь рассказы «Володя большой и Володя маленький», «Скрипка Ротшильда», «Учитель словесности», «Вечером» (первоначальное название «Студент»), «Анна на шее» и другие. В 1897 г. - рассказы «Печенег», «В родном углу», «На подводе», в 1898 г. - заметку о 15-летии земской деятельности врача Невского, в 1899 г.- рассказ «Новая дача». И хотя в 1888 г. Чехов писал: «едва ли уж я вернусь в газеты!» (XI, 201), он, как

видим, все же печатался в газетах, продолжал жить интересами многих из них. Летом 1893 г. дал согласие П. Вейнбергу считать его сотрудником «Театральной газеты» *(См.: Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955, с. 347. В дальнейшем - Летопись ... с указанием страницы.)*. Осенью 1896 г. Чехов и Гольцев, по воспоминаниям Ермилова и Суворина, проектировали издание большой дешевой газеты: «С Гольцевым будем издавать газету. Первое время, месяца три, каждый день буду в ней фельетоны писать. В каждом номере... Дешевая газета, 4 рубля в год. Такая газета необходима» *(Летопись.., с. 427.)*. В конце 1897 г. Чехов с интересом следит за газетой «Курьер» и просит высылать ее в 1898 г. Печатается в «Сборнике газеты «Курьер». Находясь в Крыму, Чехов общается с сотрудниками газеты «Крымский курьер», используя ее для привлечения пожертвований в пользу голодающих детей Самарской губернии.

Известно его участие в организации «Русского слова» Сытина. Как вспоминает И. Д. Сытин, Чехов при каждой встрече говорил: «Сытин должен издавать газету. И не какую-нибудь, а дешевую, народную, общедоступную» *(Сытин И. Д. Жизнь для книги. М. 1962, с. 115.)*. Не отказал Чехов в просьбе редактору «Петербургской газеты» и в 1900 г., опубликовав здесь рассказ «На святках», а В. М. Соболевскому в 1901 г. обещает «непременно» и дальше работать в «Русских ведомостях».

Уже один этот беглый перечень фактов не позволяет сомневаться в правомерности темы «Чехов-журналист», относиться скептически к проблеме «Чехов и газета».

Советские журналисты и писатели хорошо чувствуют кровную связь с передовыми традициями, завещанными Чеховым-новеллистом. Вот наиболее близкий по времени, но далеко не единственный пример.

«Существует газетный рассказ», - говорил писатель Г. Семенов в беседе с корреспондентом газеты «Московский комсомолец» 29 сентября 1976 года в день открытия творческого семинара молодых рассказчиков, организованного Союзом писателей РСФСР и московским отделением Союза. «Безусловно он должен быть короче журнального. Значит, потребует от писателя потуже закрутить пружину из 6-8 витков». Короткий рассказ измеряется, конечно, не только количеством страниц, - продолжал он, - а тем, что сделан «крепко и напряженно». И Семенов с неизбежностью вспоминает Чехова («у которого все рассказы короткие») и его афоризм: «Краткость - сестра таланта».

Анализируя в той же беседе творчество одного из молодых советских прозаиков, Семенов с похвалой отзывается об его умении увидеть «явление скромное, рядовое, ускользающее от

равнодушного взгляда» и придать ему значение события «крупного нравственного порядка». Здесь верно подмечено, что чеховская традиция и опыт писателя и публициста, служащего своему народу, несовместимы с равнодушием.

Журнально-публицистическая деятельность Чехова в 80-90-е годы

Начало журналистской деятельности А. П. Чехова - 80-е годы XIX в. в России - совпало с периодом суровой политической реакции. Это был момент, когда, по словам В. И. Ленина, революционеры-народники «исчерпали себя 1-ым марта», а в рабочем классе не было еще «ни широкого движения, ни твердой организации... Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита» *(Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 5, с. 44, 45.)*.

Во главе политической реакции встал сам Александр III. В его царствование проводится ряд контрреформ, цель которых ликвидировать, свести на нет реформы 60-х годов. Проводниками этой политики были: обер-прокурор Синода Победоносцев, министры Деля-нов, Толстой, журналисты Катков, Мещерский, Окрейц и другие.

После убийства народовольцами Александра II (1881) все народничество в целом встало на путь либерального приспособления к буржуазной действительности, превратилось постепенно в защитника мелкобуржуазных интересов русской деревни и повело борьбу с марксизмом. В среде народнической интеллигенции участились случаи политического ренегатства, открытого предательства.

Правительственная реакция 80-х годов и разложение миросозерцания революционного народничества обусловили резкое снижение тонуса всей общественной жизни. Бегство от животрепещущих вопросов своего времени, от революции и демократии стало обычным явлением среди русской интеллигенции. Широкое распространение получили: теория «малых дел», толстовская проповедь непротивления злу насилием. Спад революционного движения в стране способствовал возникновению антинародного, упадочнического искусства. В литературу широко проникают пессимистические настроения, усиливается влияние натурализма и декадентства.

Русская журналистика оказалась в чрезвычайно тяжелых условиях. Победоносцев считал одной из задач государственного правления всемерное ограничение печати. В одном из своих писем к царю он писал: «В нынешнее тяжкое время для правительства всего нужнее успокоить умы, угомонить мысль общественную... Вот почему я был всегда того мнения, что невозможно предпринять ничего прочного и существенного для

водворения порядка, покуда остается полная разнузданная свобода... для газет и журналов. К сожалению, никто еще не принялся за это необходимое дело твердой рукой» (Письма Победоносцева к Александру III, т. 1. М., 1925, с. 367.). Надо сказать, что Победоносцеву после расправы в 1884 г. над демократическими журналами «Отечественные записки» и «Дело» удалось изменить лицо легальной печати. В России остались лишь робкие умеренно-либеральные и либерально-народнические издания, да контрреволюционная пресса суворинских и Катковых. Возможности легальной революционно-демократической деятельности и пропаганды были крайне ограничены, а нарождающейся социал-демократии пришлось действовать в глубоком подполье.

Из старых наиболее распространенных либеральных ежемесячных журналов сохранились только «Вестник Европы» и «Русское богатство». В восьмидесятые годы появились два новых значительных журнала: «Русская мысль» (1880) и «Северный вестник» (1885), которые придерживались либерально-народнической ориентации. В этих журналах и пришлось печататься лучшим литераторам, оставшимся верными демократии, хотя программы изданий не соответствовали их мировоззрению. Количество газет значительно увеличилось, но в большинстве своем это были газеты буржуазного склада: «Голос» А. А. Краевского, «Новости» О. К. Нотовича, «Санкт-Петербургские ведомости» В. Ф. Корша, «Новое время» А. С. Суворина. Особо важное значение среди реакционной периодики приобретает в 80-е годы газета «Новое время». Появляются журналы «для семейного чтения», например «Нива», которые сознательно в годы реакции избегали общественных вопросов и политики.

80-е годы XIX в. характеризуются также значительным развитием юмористической журналистики. Но это была не сатирическая, а именно юмористическая журналистика, рассчитанная на удовлетворение вкусов мещан и обывателей, напуганных реакцией. Название одного из этих журналов «Развлечение» хорошо отражает назначение юмористической журналистики того времени.

Однако 80-е годы - начало 90-х годов не были только временем разгула политической реакции и измельчания легальной прессы. «Ведь в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III!»,- писал В. И. Ленин. И далее: «...мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 331.).

Не следует забывать, что во второй половине 80-х годов продолжают творческую деятельность М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов. Передовая литература и публицистика несмотря на реакцию продолжает хранить славные традиции писателей предшествующих поколений. Лучшие представители демократической интеллигенции преодолевают народнические иллюзии, а часть из них становится на позиции марксизма. В 1883 г. создается русская марксистская группа «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым. Именно в период 80-х годов, эпоху дальнейшего развития капитализма и усиления рабочего движения, «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания» (Там же.). В подполье появляются первые рабочие газеты: «Рабочая заря» (1880), «Рабочий» (1885).

Все это надо иметь в виду, когда мы говорим о начале журналистской деятельности Чехова.

Первым произведением А. П. Чехова, опубликованным в печати, было «Письмо к ученому соседу» (первоначальное название «Письмо донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу д-ру Фридриху»). Оно появилось в марте 1880 г, в юмористическом журнале «Стрекоза». Чехов был в это время студентом медицинского факультета Московского университета.

«Уже на первом курсе стал печататься в еженедельных журналах и газетах, и эти занятия литературой уже в начале 80-х годов приняли постоянный, профессиональный характер», - писал Чехов в автобиографии.

Семь лет он сотрудничал в юмористической прессе, в таких журналах, как «Стрекоза», «Осколки», «Будильник», «Зритель» и некоторых других («Мирской толк», «Свет и тени», «Волна», «Молва», «Спутник»). Издатели большинства юмористических журналов 80-х годов (издатель «Будильника» - Уткина, «Стрекозы» - Корнфельд, «Сверчка» - Вернер и др.) были просто предпринимателями и интересовались только числом подписчиков, т. е. подписной платой. Ни о какой серьезной сатире не могло быть и речи. Их издания поверхностно освещали жизнь, не задевая основ общественного строя или действий правительства.

В значительной степени характер юмористической журналистики определялся, конечно, общими политическими условиями 80-х годов. Проявить себя в этих журналах, где юмористу полагалось по штату обличать лишь злых тещ, обжор, модников, невежественных купцов и начальство не выше дворника, надо было особое умение и талант.

Но несмотря на такой чисто развлекательный характер юмористической журналистики 80-х годов, она не была гарантирована от придирок и преследований цензуры. Беспринципная, трусливая политика самих редакторов не только не ослабляла, а иногда усиливала рвение цензоров. Вот один из примеров: «Вы спрашиваете, - писал редактор журнала «Осколки» Лейкин в октябре 1885 г. Чехову, - что случилось с «Осколками московской жизни», посланными Вами для № 40 журнала. Случилась беда. Не будь запасного набора, я не мог бы составить номера. Целый погром. Цензор все захерил: и ваших «Зверей», и стихи Трефолева, стихи Гиляровского, 1/2 обозрения Билибина, мой фельетонный рассказ, анекдоты, копилку курьезов и московскую жизнь... И это еще не все: сам журнал едва уцелел...» (Чеховский рассказ «Звери» был запрещен за «неопределенность тенденции и возможность понимать ее в дурную сторону». «Осколки московской жизни» (в письме «московская жизнь»), также принадлежавшие Чехову, были запрещены за то, что состояли, по отзыву цензора, «из обличений». См.: Летопись.., с. 115 - 116.). Председатель цензурного комитета пригрозил Лейкину запрещением журнала за его «направление» (Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. Спб., 1907, с. 240.).

Чехов не был революционером, не был политическим деятелем в собственном смысле слова, но он не был аполитичным, как это утверждала современная ему либерально-народническая критика. Писатель отрицательно относился к той легальной политической жизни, которую наблюдал в России. Она отталкивала его пустотой своего содержания. Не удовлетворяли его ни буржуазный либерализм, ни народничество 80-х годов. М.. Горький справедливо считал благом свободу Чехова от этих политических течений.

Демократизм и гуманизм, отвращение к социальному неравенству и грубому деспотизму, произволу господствующих классов несомненны уже в ранних произведениях Чехова.

Так, еще в «Письме к ученому соседу» писатель показал многие существенные стороны жизни России своего времени, когда тупой, малограмотный солдафон, отставной урядник Семибулатов, самодур и крепостник, мог претендовать на руководящую роль в общественной жизни, в развитии русской науки.

Материальная необеспеченность побуждала молодого Чехова к неустанной работе. Его литературная деятельность принимает необычайный размах. Двести - триста материалов в год помещает Чехов в газетах и журналах: нет почти ни одного вида журнальной работы, которую бы он не испробовал. Чехов писал

театральные рецензии, репортерские заметки из зала суда, делал надписи к рисункам, сочинял анекдоты, пародии, статьи (о положении приказчиков, о виновниках желез-подорожных катастроф и т. д.) и рассказы.

Эта разносторонняя деятельность Чехова, часто писательство по заказу, была тяжела и подчас неприятна, но она помогла выработать известную гибкость, изобретательность художника и публициста, умение по-новому подойти к избитой теме, быть кратким, но ярким и убедительным. «Умею коротко говорить о длинных вещах», - не без гордости говорил о себе Чехов.

Наиболее длительным и постоянным было сотрудничество писателя в московском «Будильнике», петербургских «Осколках».

Редакционный день 'Будильника. Рис. М. М. Чемоданова, 1885 г.'

Журнал «Будильник» имел славные традиции. В 1865-1871 гг., по признанию исследователя сатирической и юмористической прессы И. Г. Ямпольского, это был яркий журнал демократической ориентации. Н. Степанов, Д. Минаев, В. Богданов, Г. Успенский сотрудничали в «Будильнике» в эти годы, и след его не затерялся в громадном числе еженедельников второй половины XIX в.

Однако мы мало знаем о журнале 80-х годов. Перенесенный изданием в Москву в 1873 г. журнал некоторое время переходил из рук в руки и, утратив достоинства 60-х годов, оказался вне интересов исследователей. А между тем годы второй революционной ситуации в России, кризис верхов способствовали возрождению до известной степени боевого,

общедемократического содержания «Будильника», и связано это с редакторством Н. П. Кичеева.

Кичеевский период деятельности «Будильника» представляет особый интерес, поскольку он совпадает с формированием второй революционной ситуации и началом работы в журнале Чехова.

Юрист по образованию Н. П. Кичеев в 1870-х годах писал фельетоны для газет «Голос», «Новости». В московской печати выступал как театральный критик и рецензент. В последний год номинального редакторства Степанова Кичеев вошел в «Будильник» как заместитель редактора, затем стал редактором вместе с Уткиным, а с № 44 за 1878 г. до 1881 г. - единственным редактором (Издателями «Будильника» с 1873 г. были А. П. Сухов и В. И. Горчаков, в 1875 - 1877 гг. - А. П. Сухов и Л. Н. Уткина. Все это время номинальным редактором был Степанов, с 1877 г. - издательница Л. Н. Уткина;- редакторы Н. П. Кичеев и А. И. Уткин.).

На страницах «Будильника» Кичеев печатался под псевдонимом «Нике», обычно вместе с Вл. И. Немировичем-Данченко, который в это время выступал также как театральный критик. Общие статьи и заметки они подписывали псевдонимом «Нике и Кикс».

Активным сотрудником «Будильника» был писатель А. Д. Курепин, который в 1881 г. на короткое время станет руководителем журнала. Именно конец редакторства Кичеева и курепинский период «Будильника» были временем наиболее активного сотрудничества в журнале Чехова.

В эти годы среди авторов «Будильника» мы находим Л. И. Пальмина - старого «искровца» («Альбом Моралы Иерихонского», т. е. Пальмина, журнал предлагал своим годовым подписчикам как премию), И. З. Сурикова и его питомцев: М. М. Козырева и С. Я. Дерунова, а также А. М. Герсона, А. В. Амфитеатрова, П. В. Быкова, Л. Н. Трефолева, С. С. Гусева. Изредка печатался Г. И. Успенский.

Закономерно, что некоторое оживление журнала произошло именно в 1879 г., когда в России возникает революционная ситуация. Показателем этого оживления была подписка. В начале года «Будильник» извинялся перед читателями за несвоевременную доставку им нескольких номеров журнала и объяснял эту неаккуратность тем, что «в 1879 году значительно против минувшего года увеличилась подписка на «Будильник», и редакция вынуждена прибегнуть к типографии И. И. Смирнова для печатания первых номеров».

В «Речи «Будильника» к читателям по случаю нового 1879 года» говорилось, что журнал «держит знамя, завещанное

покойной маман «Искрой».

Такое обещание ко многому обязывало, и в 1879 - 1880 гг. «Будильник» наряду с развлекательным материалом, свойственным юмористике вообще, помещает материалы о положении народных масс: крестьян и рабочих. Даже мелкие городские неурядицы рассматривает с точки зрения простонародья.

Как бы следуя традициям «Искры», «Будильник» широко освещает жизнь провинции: показывает ее ужасающую бедность, невежество, критикует дворянскую политику в земствах. Рубрику «Провинциальные экскурсии» готовили многочисленные корреспонденты журнала в Киеве, Одессе, Харькове, Казани, Саратове и других городах.

Журнал серьезно затрагивает вопрос о положении крестьянства - обезземеленного, нищего, голодного, забитого, разоряемого непосильными налогами. Материалы 1879, 1880, 1881 гг. говорят об этом весьма красноречиво («Провинциальные экскурсии», «По Руси»). Так, в корреспонденции из Воронежа подчеркивалась мизерность земельных наделов основной массы крестьянства («владеют не более как одной десятиной на душу») и нежелание правящих классов изменить такое положение.

В провинции еще «не понимают» всей пользы существующих земельных отношений. Малоземелье, считают «мыслящие головы» в Петербурге и Москве, «должно научить массу более рациональному сельскому хозяйству». «Издалека общие рассуждения легче составляются», - иронически добавляет редакция («Будильник», 1880, № 25).

Рассказав о неурожае и голоде 1879 г., «Будильник» высмеивает органы официальной власти, их отношение к нуждам крестьян. «Зачем пособия мужикам? - говорит «умная» губернская управа, поглаживая свое сытое брюхо. - Зачем...» («Будильник», 1880, № 1).

Обличает журнал всевозможных дельцов и спекулянтов, наживающихся на народном бедствии.

«В город приезжают тысячи крестьян, спрашивающих, где купить лебеды - у Петра Семеновича С.., - говорят им, - он не только весь хлеб, но и лебеду-ту всю скупил, обшарив целых пять губерний. Молодец, Петр Семенович!!!» («Будильник», 1880, № 8). Абсурдная ситуация, но она верно характеризовала «предприимчивость» деруновых и безвыходное положение мужика.

Журнал говорит о тяжести отработок («Будильник», 1881, № 3), защищает уволенных рабочих Рыбинско-Бологовской железной дороги, печатает рассказ «Нужда» о трагической судьбе молодой

девушки-работницы в городе («Будильник», 1880, № 48) и др.

В журнале был организован отдел «Фонарь», в котором помещались материалы, направленные против «мошенников пера» и «разбойников печати». Здесь критике подвергались «Московские ведомости», «Берег», «Молва», иногда «Русь» и другие издания.

Интересно освещал журнал театральную жизнь, остро ставил некоторые вопросы международной политики.

Конечно, все приведенные факты не говорят о том, что «Будильник» достиг высокого уровня сатирических изданий 60-х годов. Его позиция укладывалась в рамки либерально-буржуазной оппозиционности с налетом демократических симпатий. Но именно эти демократические симпатии и сделали приемлемым для Чехова достаточно длительное сотрудничество в журнале «Будильник». Он опубликовал здесь написанный в духе литературной стилизации роман «Ненужная победа», рассказы «Корреспондент», «Марья Ивановна» и другие произведения.

Рассказы «Корреспондент» и «Марья Ивановна» занимают особое место в творчестве Чехова и позволяют судить о симпатиях и антипатиях молодого юмориста по отношению к русской печати. В рассказе «Корреспондент» (1882) устами жалкого, опустившегося журналиста Ивана Никитича Чехов выносит суровый приговор русской печати 80-х годов, предавшей забвению благородные идеалы предшествующих десятилетий. «Прежде, что ни писака был, то и богатырь, рыцарь без страха и упрека, мученик, страдалец и правдивый человек. Л теперь? Взгляни, русская земля, на пишущих сынов твоих и устыдися! Где вы, истинные писатели, публицисты и другие ратоборцы и труженики на поприще... эк... эк... гм... гласности? Нигде!!! Теперь все пишут, у кого сердце не в утробе матери, а в кузнице фабриковалось, у кого правды столько имеется, сколько у меня домов собственных, и тот дерзает теперь ступать на путь славных - путь, принадлежавший пророкам, правдолюбцам да среброненавистникам. Сударь вы мои дорогие! Путь этот нонче шире стал, да ходить по нему некому. Где таланты истинные? Поди ищи: ей богу, не сыщешь!... Все ветхо стало да обнищало. Кто из прежних удальцов и молодцов жив остался, и тот теперь обнищал духом да зарапортовался. Прежде гнались за правдой, а нонче пошла погоня за словцом красным да за копейкой, чтоб ей пусто было! Дух странный повеял!» (I, 199).

Особенность этого рассказа в том, что Иван Никитич одновременно и сатирический образ журналиста-поденщика, пресмыкающегося перед власть и деньги имущими, униженного и забитого, неспособного к общественному служению, и вместе с

тем человек, порицающий печать 80-х годов, ее меркантильность, беспринципность и подчиненность капиталу. Не случайно Иван Никитич пишет льстивую статью по заказу купечества, не случайно он сам в застольной речи порицает прежде всего корыстолюбие, не случайно он считает, что сердце современных ему преуспевающих журналистов «не в утробе матери, а в кузнице фабриковалось».

Эта двуплановость образа журналиста создавала определенный комический эффект, помогала Чехову показать, обойдя цензурные препоны, эволюцию газетчика и всей печати от времени Белинского до 80-х годов, осудить забвение высоких принципов соратников Белинского, имя которого не случайно включено в текст. Преклонение Чехова перед эпохой 40 - 60-х гг. несомненно. Но, как всегда, самое дорогое, самое сокровенное у Чехова запрятано глубоко в шутку, юмор и не носит прямого признания.

* * *

Особенно тесно связан был молодой Чехов с петербургским журналом «Осколки», юмористическим еженедельником, издававшимся известным в 80-е годы журнальным предпринимателем и литератором Лейкиным.

Выходец из купеческо-приказчичьей семьи и сам в молодости служивший приказчиком, Лейкин в 60-х годах начал сотрудничать в демократической журналистике: «Искре», «Современнике», «Неделе», помещая там небольшие очерки и рассказы из жизни купечества и городского мещанства. Он был знаком с Н. А. Некрасовым, Г. И. Успенским, Н. Г. Помяловским, Ф. И. Решетниковым, но никогда не отличался ясностью своих политических взглядов и симпатий. В 80-х годах Чехов справедливо характеризует его уже как «буржуа до мозга костей» *(XI, 296)*.

Заметным лицом в числе сотрудников журнала «Осколки» был Л. И. Пальмин, поэт-демократ, верный традициям шестидесятников и поэтической манере Некрасова, близкий друг Чехова. Сотрудниками журнала были также поэт Л. Н. Трефолев и репортер В. А Гиляровский.

С 1883 по 1885 г. Чехов, помимо публикации в «Осколках» отдельных мелочей и рассказов, вел фельетонное обозрение под заголовком «Осколки московской жизни» за подписями «Рувер» и «Улисс». В обозрениях нашли отражение многие недостатки общественной и частной жизни, быта Москвы того времени.

В фельетонах Чехова наряду с «сезонной» тематикой (дачные приключения - летом, новогодние происшествия - зимой, обжорство - на масленице и т. п.) можно найти отклики на театральную и литературную жизнь Москвы, описание салонов и варьете, обличение судебных и железнодорожных непорядков, разоблачения жульнических махинаций страховых обществ. За три года Чеховым всего было написано 50 фельетонов-обозрений.

Но писать фельетоны было трудно из-за однообразия повседневной жизни Москвы и из-за ограниченности программы «Осколков». Лейкин прямо требовал от Чехова занимать читателей глупостями. Юмористическая форма подачи материала далеко не всегда соответствовала подлинному настроению Чехова, а отражала требование редактора или издателя писать о самых серьезных вопросах, мрачных явлениях непременно шутливо, юмористично.

Сравнительно много места в «Осколках московской жизни» отводится состоянию буржуазной печати. Характеристика газетно-журнальной жизни Москвы - новая тема, внесенная Чеховым в фельетонное обозрение. Ее трактовка, несомненно, свидетельствует о демократической ориентации автора в общественных вопросах.

Неизменно отрицательные оценки получает консервативная и частично либеральная пресса: «Голос Москвы», «Московские ведомости», «Русь», «Светоч», издания кн. Мещерского и др.

Наблюдения Чехова-журналиста дали материал и для художественных произведений на эту же тему.

Нравственный уровень большинства журналистов-поденщиков буржуазной прессы был крайне низок. Мелкогазетная среда отличалась бездарностью, пошлостью, приниженностью, беспринципностью, мелким тщеславием, завистью к успеху ближнего. В ряде своих рассказов Чехов вывел именно такие типы журналистов («Сон репортера», «Записка», «Тряпка», «Тесс!...», «Мой домострой»).

В рассказе «Два газетчика», опубликованном в 1885 г. в журнале «Осколки», обращает на себя внимание то, что образы газетчиков, выведенные в рассказе, как и названия газет, напоминают персонажей Салтыкова-Щедрина. Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», и Шлепкин, сотрудник газеты «Иуда предатель» - люди, утратившие всякое представление о долге и чести. Один из них - «человек обрюзглый, сырой и тусклый» - мечтает о каком-либо сенсационном, «мерзейшем» и «распреподлом» событии,которое позволило бы ему обратить на себя внимание, другой - «живой, веселый, розовый» - готов строчить о чем и где угодно, лишь бы оплата была хорошей.

В «Осколках» выделяется еще несколько материалов: назовем статью Чехова о мальчиках, отданных в услужение торговцам, этих «маленьких каторжниках» (1883, № 41), которых нещадно бьют и эксплуатируют лавочники, их жены и приказчики, рассказ «Смерть чиновника» и др.

Очень интересны сатирические зарисовки Чехова, которые позднее превратились в его лучшие рассказы, обличающие полицейский произвол, весь общественно-политический строй царской России. В «Осколках» за 1883 г. (№ 4) за подписью «Человек без селезенки» были помещены так называемые «Случаи mania grandiosa» (мания величия). В числе «случаев» Чехов описывает отставного капитана, бывшего станового, который «помешан на тему: «сборища воспрещены». И только потому, что сборища воспрещены, он вырубил свой лес, не обедает с семьей, не пускает на свою землю крестьянское стадо и т. п. Когда его пригласили однажды на выборы, он воскликнул: «А вы разве не знаете, что сборища воспрещены?» Другой отставной деятель, бывший урядник, «изгнанный, кажется, за правду или за лихоимство», помешан на тему: «а посиди-ка, братец!» «Он сажает в сундук кошек, собак, кур и держит их взаперти определенные сроки. В бутылках сидят у него тараканы, клопы, пауки. А когда у него бывают деньги, он ходит по селу и нанимает желающих сесть под арест.

- Посиди, голубчик! - умоляет он. - Ну, что тебе стоит? Ведь выпущу! Уважь характеру!

Найдя охотника, он запирает его, сторожит день и ночь и выпускает на волю не ранее определенного срока...» *(II ,24 - 25).*

Не трудно в этих сатирических набросках угадать будущих «героев» наиболее острых и зрелых произведений Чехова-беллетриста: унтера Пришибеева и др. Социально острые сюжеты встречаются и в «Оберверхах» *(см., например, «Верх благонамеренности» - «Осколки», № 1883, № 15)* и других произведениях.

* * *

Многие исследователи творчества Чехова указывают на преемственную связь его произведений с творчеством великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Они справедливо отмечают, что в ранних рассказах, заметках встречаются щедринские персонажи, что Чехов в духе Салтыкова-Щедрина писал о «ежовых рукавицах», «чтении в сердцах» и местах, «куда Макар телят не гонял». Действительно, такое сходство имеется.

Это подмечали и современники. Рекомендуя Чехова редакции «Петербургской газеты» весной 1885 г., Лей-кин, как вспоминает А. Н. Плещеев, говорил: «Господа, я Щедрина нового открыл» *(Летопись.., с. 104.)*. И это не было натяжкой предприимчивого издателя.

В. Г. Короленко в воспоминаниях о Чехове ставил писателя в один ряд с Гоголем, Успенским и Щедриным. «Этими именами почти исчерпывается, - писал он,- ряд выдающихся русских писателей с сильно выраженным юмористическим темпераментом... Пушкин называл Гоголя «веселым меланхоликом», и это меткое определение относится одинаково ко всем перечисленным писателям... Гоголь, Успенский, Щедрин и Чехов...» (*Короленко В. Г., Собр. соч. в 10-ти т., т. 8. М., 1955, с. 94.)*.

Вл. И. Немирович-Данченко, рассказывая о кружке

«Будильника», отмечал: «Из писателей настоящим кумиром для них был Щедрин» *(Немирович-Данченко Вл. И. Из прошлого. М., 1938, с. 12.)*.

Глубокое уважение к деятельности Салтыкова-Щедрина выражено в словах Чехова, которыми он откликнулся на смерть великого сатирика: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измошенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага...» *(XI, 362)*. Но эти слова не означают, что только теперь, в год тяжелой утраты, Чехов оценил и понял своего старшего собрата.

В фельетонах «Осколки московской жизни», в ранних рассказах, затрагивающих положение журналистики (а таких рассказов насчитывается более пятнадцати), близость Чехова сатирической манере Салтыкова-Щедрина особенно заметна.

Зло высмеивая «газетоманию», охватившую Москву в 80-е годы, издеваясь над многочисленными предпринимателями капиталистической складки, купцами, выступающими в роли издателей и редакторов, по-щедрински пишет Чехов в «Осколках»: «Хотят издавать все, помнящие родство и не помнящие, умные и неумные, хотят страстно, бешено» *(«Осколки», 1884, № 51)*.

«Помнящие родство и не помнящие» - это расшифровка, перифраза щедринской оценки реакционной журналистики, которую он дал в лице Ивана Непомнящего - редактора газеты «Краса Демидрона» в «Современной идиллии».

Нельзя не соотнести определения, данного в фельетоне Чехова купеческой газете Шестеркина, - «полотер-но-литературно-портерная» *(«Осколки», 1883, № 49)* с щедринским

«ассенизационно-любострастная, выходящая в дни публичных драк» *(Щедрин Н. Полн. собр. соч., т. 15, с. 90.)*.

В «Календаре «Будильника» на 1882 год» Чехов критикует публициста И. Н. Павлова, выступившего против Салтыкова-Щедрина. Это было отмечено под датой 24 марта, а 30 марта календарь сообщал о возникновении отделившейся от «Нового времени» газеты «Благонамеренные козлы» *(«Будильник», 1882 г., № 12, 14)*. Это опять-таки реминисценция из Салтыкова-Щедрина. Сатирик, характеризуя благонамеренно-либеральную (а именно такой было «Новое время») газету «Старейшая российская пенкоснимательница» в цикле очерков «Дневник провинциала в Петербурге», называет одну из ее статей так: «Может ли быть совмещен в одном лице промысел огородничества с промыслом разведения козлов?» *(Щедрин Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 493.)*.

Это было не подражание, а сознательное использование тех ассоциаций, которые возникали при упоминании отдельных имен, названий, фразеологических сочетаний, сделанных по моделям Салтыкова-Щедрина, у читателя, хорошо знавшего творчество сатирика, его развернутые характеристики, многозначительность иносказаний и намеков, умение в безобидном скрыть социально важное.

В фельетонах и рассказах Чехова 80-х годов можно встретить пародийные названия газет, построенные по модели Салтыкова-Щедрина «Кукиш с маслом», «Гусиный вестник», «Куриная слепота». В рассказе «Ревнитель» персонаж, взяв в руки «Новое время», презрительно называет ее «Краса Демидрона».

Образ журналиста Иуды Искариота - главного публициста газеты Ноздрева «Помои», ярко обрисованный в «Письмах к тетеньке» Салтыкова-Щедрина, не раз возникает в произведениях Чехова. «Иуда-предатель» - такой заголовок имеет газета в рассказе «Два газетчика». В рассказе «Тряпка» Иудой назван секретарь редакции Кокин. В рассказе «На магнетическом сеансе» (1883), повествуя о жульничестве гипнотизера, Чехов заставляет действовать заодно с гипнотизером людей, причастных к журналистике. В начале рассказа читаем, что гипнотизер «одного тонкого и высокого журналиста согнул в спираль», а герой, от лица которого ведется повествование, поддался гипнозу за взятку, незаметно вложенную ему в руку гипнотизером, и получает выговор от своего начальника, заметившего жульническую махинацию: «Нехорошо... А еще тоже газету свою издавать хочешь...».

Таким образом, оба помощника гипнотизера оказались продажными людьми, журналистами.

Предательство было настолько характерной чертой

буржуазного газетчика, что много поздней Чехов в одном из писем к М. Горькому писал, что у Гиляровского как газетчика «есть что-то ноздревское, беспокойное, шумливое, но человек это простодушный, чистый сердцем, и в нем совершенно отсутствует элемент предательства, столь присущий господам газетчикам» *(XII, 338)*.

Характеристика газетного читателя в рассказе «Случаи mania grandiosa» *(«Осколки», 1883, № 4),* в свою очередь, как бы предваряет характеристику читателя-ненавистника у Салтыкова-Щедрина в «Мелочах жизни». Чеховский герой «выписывает почти все столичные газеты... В каждом полученном номере он ищет «предосудительное»; найдя таковое, он вооружается цветным карандашом и марает. Измарав весь номер, он отдает его кучерам на папиросы и чувствует себя здоровым впредь до получения нового номера».

У Салтыкова-Щедрина читатель-ненавистник «не просто читает, но и вникает; не только вникает, но и истолковывает каждое слово, пестрит поля страниц вопросительными знаками и заметками, в которых заранее произносит над писателем суд...» *(Щедрин Н. Полн. собр. соч., т. 16, с. 631.)*.

Читатель-ненавистник, по утверждению сатирика, взбесившийся человек, но и герой Чехова - человек сумасшедший, а взбесившийся человек и сумасшедший явления одного порядка.

Интересно присмотреться и к интонации некоторых чеховских миниатюр. В материале «Что лучше?» *(«Осколки», 1883, № 6)* угадывается щедринская пародийная интонация:

«В кабак могут ходить взрослые и дети, а в школу только дети.

Алкоголь замедляет обмен веществ, способствует отложению жира, веселит сердце человека. На все сие школа не способна...

Польза просвещения находится еще под сомнением, вред же, им приносимый, очевиден.

Для возбуждения аппетита употребляют отнюдь не грамоту, а рюмку водки.

Кабак везде есть, а школа далеко не везде.

Всего сего достаточно, чтобы сделать вывод: кабаков не упразднять, а относительно школ подумать...».

Умозаключение вполне в духе щедринских администраторов.

Чеховские «Правила для начинающих авторов» *(«Будильник», 1885, № 12)* напоминают пародийный «Устав о благопристойном обывателей в своей жизни поведении» из «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина. Здесь и употребление устаревшего союза «дабы», и наставительная оговорка «памятуй», и злая сатира на пристрастие царской администрации к различным

регламентациям, требование расшифровки псевдонимов:

«Пытаться писать могут все без различия званий, вероисповеданий, возрастов, полов, образовательных цензов и семейных положений», - сказано в правилах.- «Не запрещается писать даже безумным, любителям сценического искусства и лишенным всех прав. Желательно, впрочем, чтобы карабкающиеся на Парнас были по возможности люди зрелые, знающие, что слова «ъхать» и «хлъб» пишутся через «ять»...

«Если хочешь писать, то поступай так. Избери сначала тему. Тут дана тебе полная свобода. Можешь употребить произвол и даже самоуправство. Но дабы не открыть во второй раз Америки и не изобрести вторично пороха, избегай тем, которые давным-давно уже заезжены»...

«Написавши, подписывайся. Если не гонишься за известностью и боишься, чтобы тебя не побили, употреби псевдоним. Но памятуй, что, какое бы забрало ни скрывало тебя от публики, твоя фамилия и твой адрес должны быть известны редакции *(читай: органам надзора.- Б. Е.)*. Это необходимо на случай, ежели редактор захочет тебя поздравить с Новым годом» *(III, 224 - 225)*.

Вопрос о «щедринском» в творчестве Чехова может быть поставлен, разумеется, значительно шире и глубже. Но влияние сатирической манеры Щедрина на молодого Чехова, Чехова-журналиста также несомненно. Творческие связи порождены общей эпохой и сходным отношением к безвременью, мелочам жизни, пестрым людям, политическому произволу.

«Чехов по-своему продолжил разработку щедринской темы мелочей жизни. А это значит, что без влияния великого сатирика не мог бы сформироваться талант Чехова таким, как мы его знаем, что Чехов один из наследников и продолжателей традиций Салтыкова-Щедрина» *(Кирпотин В. Я. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Жизнь и творчество. М., 1955, с. 695.)*.

* * *

Слава незаурядного юмориста рано пришла к Чехову. Но она не вскружила голову молодого писателя-журналиста. Веселый, «беззаботный», Чехов начинает серьезно задумываться над ролью юмористики, над ролью сатирической, юмористической печати. Свидетельством этого является рассказ Чехова «Марья Ивановна», а также знаменитый «тост прозаиков», произнесенный на юбилее «Будильника» в 1885 году, и особенно письма писателя.

«А ее *(юмористическую печать. - Б. Е.)*,- пишет Чехов в 1884 г.

в рассказе «Марья Ивановна», - нельзя закрывать ни на один день, читатель. Хотя она и кажется вам маленькой и серенькой, неинтересной, хотя она и не возбуждает в вас ни смеха, ни гнева, ни радости, но все же она есть и делает свое дело. Без нее нельзя... Если мы уйдем и оставим наше поле хоть на минуту, то нас тотчас же заменят шуты в дурацких колпаках с лошадиными бубенчиками.., да юнкерз, описывающие свои нелепые любовные похождения по команде: левой! правой! Я должен писать, несмотря ни на скуку, ни на перемежающуюся лихорадку... Должен, как могу и как умею, не переставая. Нас мало, нас можно пересчитать по пальцам. А где мало служащих, там нельзя проситься в отпуск, даже на короткое время».

Лейкин очень скоро оценил способности Чехова и стал дорожить его сотрудничеством в качестве фельетониста-обозревателя и автора рассказов. Но Чехову-журналисту было тяжело в душной обстановке 80-х годов. «Умно вы сделали, - писал он в одном из писем Лейкину, в 1885 г., - что родились раньше меня, когда легче дышалось и писалось», т. е. писатель вспоминает 60-е годы, когда начиналась журналистская деятельность Лейкина. Чехов был недоволен своим положением газетчика-юмориста, сотрудника мелкотравчатой развлекательной и нередко пошловатой прессы. «Газетчик-значит, по меньшей мере жулик, - пишет он старшему брату, имея в виду буржуазную прессу 80-х годов - я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика. Скорблю и надеюсь, что рано или поздно изолирую себя а 1а ты», и далее: «Я газетчик, потому что много пишу, но это временно... оным не умру» (май 1883). Особенно переживал Чехов отсутствие рядом с собой «окрепших, сформировавшихся и определившихся талантов», «отсутствие школ и руководящих традиций» («Тост на юбилее «Будильника»). Поэтому так горячо и благодарно отнесся он к участию в своей судьбе Григоровича - одного из замечательных строителей натуральной школы.

В 1886 г. выходит первый сборник Чехова «Пестрые рассказы», принесший писателю известность и признание. Сам Чехов понял, что он должен «скорее выбраться оттуда, куда завяз...» *(XI, 80)*.

Но путь Чехова в «большую» литературу, в лучшие журналы лежал через «Новое время» Суворина.

Исчерпывающая характеристика этой газеты и ее редактора дана В. И. Лениным в статье «Карьера». «Либеральный и даже демократический» в 50 - 60-е годы, журналист Суворин, во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов) перешел в лагерь реакции, стал служить власть имущим. На

много десятилетий «эта газета стала в России образцом продажных газет» *(Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 44.)*.

В 1886 г. Чехов опубликовал в «Новом времени» рассказ «Панихида» и с тех пор несколько лет работал у Суворина. Сотрудничая в «Новом времени», Чехов напечатал, кроме многочисленных рассказов путевые очерки «Из Сибири» и несколько публицистических статей: «Московские лицемеры», направленную против московских купцов, эксплуатирующих своих приказчиков; статью, посвященную выдающемуся русскому географу и путешественнику Н. М. Пржевальскому; статью «Фокусники», написанную в соавторстве с другим лицом; несколько злободневных заметок по поводу различных сторон московской жизни и жизни русского театра 90-х годов.

В статье о Пржевальском отразилась многолетняя чеховская мечта о сильных, смелых людях, способных на подвиг ради великой цели.

В заметке «Фокусники» обличались порядки в Московском зоопарке, где отсутствовала серьезная научная работа. Тему эту подсказала Чехову брошюра К. А. Тимирязева «Пародия науки», направленная против «шарлатанской ботаники», «а я хочу сказать, - писал Чехов, - что и зоология стоит ботаники» (XI, 518). Фельетон «В Москве» (1891) бил по бесхребетности интеллигенции, отсутствию у нее высоких стремлений, искренности, готовности сделать реальный шаг «к счастью и к правде» (X, 412).

Работая в суворинском «Новом времени», Чехов ценил масштаб газеты, распространенность и использовал всякую возможность для выражения своих гуманных, демократических взглядов, вполне сохраняя идейную самостоятельность и не разделяя политических взглядов Суворина и его ближайших сотрудников. «Я никогда не отзывался дурно о сотрудниках «Нового времени» при Суворине, хотя большинство из них я глубоко не уважаю», - записал Чехов в своем дневнике. Да и с Сувориным он решительно порвал всякие отношения, когда в 90-е годы убедился в его непорядочности, лживости и шовинизме.

Интересно в этом отношении признание крупнейшего народнического публициста Н. К. Михайловского, как известно, критически относившегося к творчеству Чехова: «Я был... поражен вашей неиспорченностью,- писал он в 1888 г. Чехову, - потому что не знал школы хуже той, которую Вы проходили в «Новом времени», «Осколках» и пр.».

В неустанной литературной работе мастерство Чехова постоянно растет. Благодаря Чехову короткий рассказ прочно закрепился не только в юмористической журналистике, но и на

газетной полосе конца XIX - начала XX в.

«В новогодних нумерах все газеты поднесли мне комплимент, - пишет Чехов в 1887 г., - а в декабрьской книге «Русского богатства», где печатается Лев Толстой, есть статья Оболенского (два печатных листа) под заглавием «Чехов и Короленко». Малый восторгается мной и доказывает, что я больше художник, чем Короленко... Вероятно, он врет, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, не печатавший в толстых журналах, писавший газетную дрянь, завоевал внимание вислоухих критиков - такого примера еще не было».

Рассказ-миниатюра оказался годен не только для мелкотемья, Чехов вложил в него глубокое содержание, которое подчас по своему значению соперничало с содержанием романов и повестей. Он добился небывалой емкости рассказа-миниатюры, не нарушая при этом основных требований жанра («Злоумышленник», «Дочь Альбиона» и др.). Жесткие рамки излюбленного газетчиками-юмористами жанра - короткого рассказа - были взорваны изнутри.

Обострение общественных противоречий заставляет Чехова глубже всматриваться в жизнь, расширяется круг его наблюдений, крепнет сила мысли. Писатель смело вторгается в жизнь. Он задумывает создать серьезный научный труд о положении ссыльно-каторжных, о положении людей, отторгнутых обществом.

Во второй половине 80-х годов Чехова приглашают сотрудничать многие столичные издания: журнал «Русская мысль», «Всемирная иллюстрация» и др. Отклонив ряд предложений, Чехов в 1888 г. начинает работать в журнале «Северный вестник». Здесь печатаются его знаменитые рассказы «Степь», «Огни», «Скучная история». Это было время, когда негласным соредактором журнала был Михайловский, а редактором беллетристического отдела - поэт Плещеев, когда в «Северном вестнике» печатались многие бывшие сотрудники закрытых в 1884 г. «Отечественных записок», а также Короленко, Менделеев, Миклухо-Маклай и некоторые другие. Журнал «Северный вестник» переживал кратковременный период расцвета. Очень скоро, однако, демократические и народнические публицисты из-за разногласий с издательницей Евреиновой уходят из журнала.

В 189] г. журнал переходит в руки Л. Гуревич, ведущим критиком-публицистом становится идеалист Волынский (Флексер) - «малюсенький соловей-разбойник», как назвал его М. Горький. Журнал начал культивировать поэзию декадентов, пропагандировать аполитизм. Волынский в своих статьях

всячески стремился развенчать, исказить идеи 60-х годов, взгляды русских революционных демократов. Сотрудничество Чехова в «Северном вестнике» прекращается.

* * *

Спустя год Чехов, благодаря участию Короленко, входит в редакцию журнала «Русская мысль», где дебютирует «Палатой № 6». Но еще до этого, в 1890 г., в жизни Чехова произошло не менее важное Событие - поездка на остров Сахалин, результатом которой явилась его известная книга очерков о Сахалине.

Книга «Остров Сахалин» вместе с путевыми письмами «Из Сибири» составляет особую главу в жизни и творчестве Чехова. В самом выборе маршрута и цели поездки сказались большая смелость и самостоятельность писателя. Чехов не шутил, когда писал, что может не вернуться из путешествия (см. письмо В. М. Лаврову от 10 апреля 1890 г.).

Что же заставило Чехова совершить эту поездку?

Мотивы, побудившие писателя к поездке на Сахалин, не однозначны. Идея путешествия созрела не сразу. Чехов говорил, что еще в год окончания университета у него родилась мысль создать серьезный труд, диссертацию и тем самым отдать должное избранной профессии врача. Это желание серьезно послужить науке было одним из первых мотивов. Недаром Чехов в письмах называет свою книгу «диссертацией».

Но вот любопытная черта Чехова-журналиста, Чехова-человека: пока он собирался, он говорил о серьезном научном труде, но когда вопрос о поездке был решен, Чехов, со свойственной ему скромностью, стал всех убеждать, что не надо связывать больших надежд с его путешествием. «Пожалуйста, не возлагайте литературных надежд на мою сахалинскую поездку. Я еду не для наблюдений и не для впечатлений, а просто для того только, чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор» (XI, 425), - пишет он в письме Леонтьеву (Щеглову).

С указанным выше мотивом тесно сплетается другой. К концу 80-х годов Чехова уже не удовлетворяла работа в юмористических изданиях, мелких газетах. Сахалин позволял оторваться от мелкогазетной среды, уйти от лейковщины и нововременства, разрушить представление о себе как только газетном юмористе. В 1887 г. он пишет брату Александру: «Рад бы вовсе не работать в «Осколках», так как мне мелочь опротивела. Хочется работать покрупнее, или вовсе не работать» (XI, 116).

«Очерков, фельетонов, глупостей, водевилей, скучных

историй, многое множество ошибок и несообразностей, пуды исписанной бумаги... - и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезного труда... Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым, серьезным трудом...» (XI, 402).

Такие ситуации бывали и с другими писателями, например, Н. Лесковым (Лесков писал И. С. Аксакову в 1881 г.: «Имя мое шляется везде... Вы очень проницательны и отгадали мое состояние: я сам напугался этой раскиданности и невозможности сосредоточиться. Еще год такой работы и это меня просто убило бы. Вот почему я и схватился за большой труд, как за якорь спасения, и очень рад, что так сделал...» (Лесков Н. С. Собр. соч., т. 11, с. 255-256). Аналогично звучат слова Чехова: «Я газетчик.., но оным не умру».).

А. П. Чехов с группой сотрудников журнала 'Русская мысль'

Немаловажным мотивом было чувство моральной ответственности за те безобразия и беззакония, которые творились в царской России, желание пробудить это чувство у своих современников.

«...Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждений, варварски, мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей... виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно»

(XI, 417).

Чехов, что не раз отмечалось исследователями, искренне возмутился, когда Суворин назвал эту поездку неинтересной. В их споре, собственно говоря, речь шла о весьма остром политическом сюжете. Ведь недаром «Народная воля» писала в 1884 г.: «Много лет ссылка, тюрьма, каторга, виселица поглощают все новые и новые жертвы» (№ 10). Но открыто об этом не говорит ни Чехов, ни Суворин. Безусловно, поездка была интересной. И вот еще по какой причине. Уже 20 - 30 лет, указывает Чехов, мыслящая интеллигенция повторяет фразу, что всякий преступник составляет продукт общества, но «как она равнодушна к этому продукту» (X, 25). Надо было преодолеть это равнодушие.

Поездка на Сахалин, на каторжный остров была связана с интересовавшей Чехова проблемой пожизненности наказания.

Смертная казнь давно признана бесчеловечной ме-; рой наказания. Но лучше ли пожизненность наказания вообще, и тюремное заточение в частности? Для 80-х ,' годов это острая, важная тема. Царские суды все чаще выносят смертные приговоры рабочим, крестьянам, представителям передовой интеллигенции, которые заменяются пожизненной тюрьмой, каторгой.

Эта тема очень волновала писателя в конце 80-х годов и нашла отражение в рассказе «Пари» (1888). В нем есть такие рассуждения: «Казнь убивает сразу, а пожизненное заключение медленно», «то и другое одинаково безнравственно.., потому что имеет одну и ту же цель - отнятие жизни...» (VI, 245) (В газете «Народная воля» в 1882 г. (№ 8 - 9) не случайно пребывание ссыльных в Восточной Сибири названо «загробной жизнью».).

В 1889 г. Чехов вновь возвращается к этой проблеме, ознакомившись с лекциями по уголовному праву и тюрьмоведению, по которым готовился к экзаменам брат М. П. Чехов, оканчивавший юридический факультет. К этому времени относятся и непосредственные хлопоты о поездке на Сахалин. Не случайно и то, что в 1890 г., как вспоминал В. Н. Ладыженский, в беседе о Сахалине «особенно сильно интересовала его все-таки каторга» (Летопись, с. 255.). А ведь каторга предполагала пожизненность ссылки, если она сама не была пожизненной.

Зная этот интерес Чехова, нас не удивит, что вопрос о пожизненности наказания широко отразился и в путевых очерках «Из Сибири» и в книге «Остров Сахалин». В седьмой главе очерков «Из Сибири» писатель размышляет над тем, что все высшие карательные наказания, уголовные и исправительные, которыми заменяют смертную казнь, нисколько не легче смертной казни. Пожизненность наказаний, каторга или ссылка порождают

сознание, что надежда на лучшее невозможна, что в человеке «гражданин умер навеки» (X, 25).

Преступник удаляется из «нормальной человеческой среды» навсегда, человек умирает для общества, в котором он родился и вырос, так же, как и при смертной казни. Живому человеку еще тяжелее. Чехов считает такие явления, как пожизненность наказаний, устаревшими, но наука не в силах предложить другое решение: не достает знаний и опыта для замены пожизненности «чем-нибудь более рациональным и более отвечающим справедливости» (X, 25).

В книге о Сахалине автор возвращается к этому вопросу не раз.

Рассказывая во второй главе книги «Остров Сахалин» о своих беседах с генерал-губернатором бароном Корфом, который инспектировал Сахалин, Чехов приводит лишь «несколько строк» из «всего записанного» под диктовку генерал-губернатора (не считая, видимо, остальное достойным внимания). Эти несколько строк относятся именно к освещению администрацией вопроса о пожизненности заключения: «Никто не лишен надежды сделаться полноправным; пожизненности наказания нет..,» - самоуверенно говорил Корф (X, 64).

В очень деликатной форме Чехов замечает: «Из нашей последней беседы и из того, что я записал под его диктовку, я вынес убеждение, ...что «жизнь несчастных» была знакома ему не так близко, как он думал» (X, 64).

В той же главе, чуть раньше описания встреч с Корфом, Чехов рассказывает о женщине, которая

приехала на Сахалин еще девушкой вместе с матерью за отцом каторжником, все еще не отбывшим срока наказания. И ни она, ни ее муж - бывший каторжник - даже не думают о возвращении на материк (хотя у них есть определенный достаток), ибо попасть на ее родину - Тамбовщину - они все равно никогда не смогут. Молодая женщина с тоской вспоминает родные места, называя в безысходности Сахалин «пропастью». И это лучше всяких рассуждений опровергает слова администратора, что «пожизненности наказания нет».

В главе двадцать второй, о беглых, автор относит к общим причинам побегов прежде всего «пожизненность наказаний».

Повторяя сказанное в путевых очерках «Из Сибири», Чехов записывает: «У нас, как известно, каторжные работы сопряжены с поселением в Сибири навсегда; приговоренный к каторге удаляется из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться в нее и таким образом как бы умирает для того общества, в котором он родился и вырос... Вот эта-то полная

безнадежность ссыльного и его отчаяние приводят его к решению: уйти, переменить судьбу, - хуже не будет». При пожизненности ссылки побеги являются неизбежным злом, они «служат как бы предохранительным клапаном». Если бы не было этой возможности, то отчаяние проявлялось бы «в более жестокой и ужасной форме» (X, 352 - 353).

И, видимо, опять-таки не случайно Чехов обещает при подготовке книги к изданию: «Буду воевать главным образом против пожизненности наказаний, в которых вижу причину всех зол» (XI, 506).

В выборе маршрута поездки не последнюю роль сыграло желание обогатить память новыми впечатлениями, желание увидеть, изучить свою родину, познать жизнь своего народа и вместе с тем принести ему посильную пользу: рассказать о том, «как 25 - 30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека» (X, 416)-стремление вполне понятное для всякого серьезного писателя и журналиста. Именно это заставило Чехова выбрать маршрут очень трудный по условиям того времени, путешествие по которому связано было с риском для здоровья и жизни, граничило с подвигом.

Чрезвычайно интересно также напомнить некоторые детали общей атмосферы, в которой родилось желание Чехова посетить Сахалин, создать книгу о жизни ссыльно-каторжных.

Конец 80-х годов - время «мелочей жизни», пестрых людей, бездуховности, приспособленчества интеллигенции. Но в годы измельчания гражданских идеалов жажда подвига не умирала в людях, и статья Чехова о Пржевальском как человеке подвига написана была не случайно, так же как не случаен и допрос общественной совести в сказке Салтыкова-Щедрина «Приключение с Крамолышковым»: «Почему ты не шел туда, откуда раздавались стоны, почему ты не самоотвергался?»

Тема Сибири, Сахалина все чаще возникает не только у Чехова, но и у других писателей. Например, Лесков считал, что «всем молодым писателям надо выезжать из Петербурга на службу в Уссурийский край, в Сибирь...» (Цит. но кн.: Лесков Н. С. Собр. соч., т. 1. М, 1956, с. XI.) Г. Успенский буквально рвался в Сибирь в середине и конце 80-х годов.

Сибирь, Сахалин все чаще начинают занимать прессу, общество. Так, в газете «Московский телеграф» в 1881 г. была напечатана корреспонденция из Николаевска-на-Амуре, в которой говорилось о положении на Сахалине. Корреспонденция принадлежала купцу Толмачеву, и в ней сообщалось о беззаконных притеснениях его со стороны сахалинской

администрации. Передовая статья в этом номере была посвящена Сибири, Сахалину, проблемам ссылки. В ней, в частности, говорилось: «Ссылая преступника в каторгу, ...государство, все-таки, не может отнять у преступника его человеческих прав в тесном смысле этого слова. Пока в человеке есть жизнь - он остается человеком, и никакая власть в мире не может заставить его не быть им».

«Сибирь в последнее время проснулась... Теперь впервые раздался голос с еще более далекого, еще более отверженного Сахалина... Искренне желаем, чтобы он обратил на себя внимание. Если, благодаря ему, убавится хоть одна капля страданий в полужизни людей, за десять тысяч верст от нас безмолвно искупающих неправды свои и той среды, которая воспитала их, то и это будет великою заслугой, великим благом» («Московский телеграф», 1881, № 166).

А в письме-корреспонденции А. И. Толмачева можно было прочитать следующее: «нелегко искать правды и закона на моей родине, в дореформенной Сибири, но еще труднее ее найти у нас, на о. Сахалине...»

Автор описывал безобразия и беззакония на посту Дуэ, произвол смотрителя Маркевича. Маркевич эксплуатирует каторжных, протягивает свою руку к казне и частным лицам - жителям Сахалина. Каторжник низведен до животного, царит произвол в наказании каторжников плетьми, розгами. Деньги, отпускаемые на содержание беглых каторжников, администрация присваивает.

Маркевич в Дуэ незаконно ведет торговлю в тюрьме и вне тюрьмы. Незаконно запрещает торговать другим, выгоняет купцов, торгующих с. туземцами. Так он поступил с Хановым, Толмачевым, преследует их семьи и т. д.

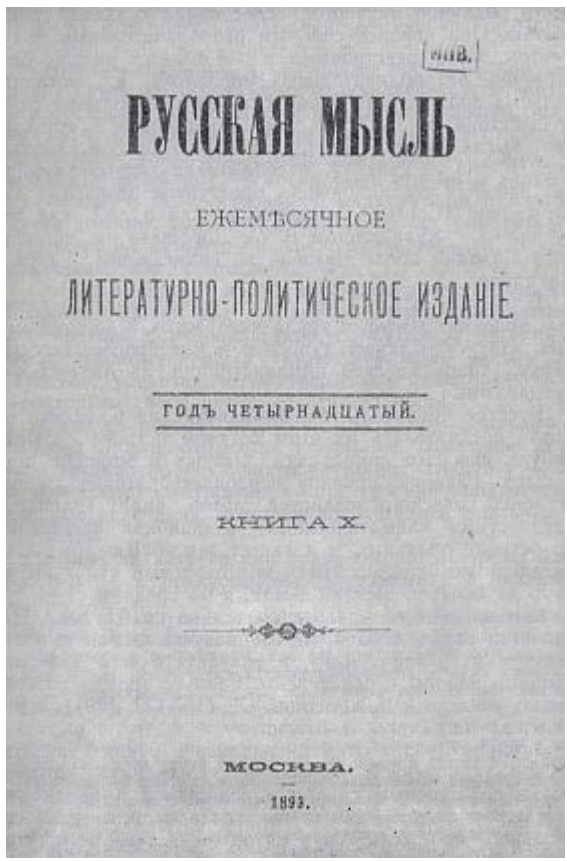
Все это не могло не создать благоприятных предпосылок для выбора Чехова, который он сделал. Все сказанное подталкивало к путешествию.

* * *

Поездке Чехова предшествовало основательное изучение материалов, относящихся к истории острова, его географии и климату, жизни и быту ссыльно-каторжных. Чехов прочитал большое количество научной литературы, проявив при этом образец писательской добросовестности, интересовался газетными статьями о Сахалине, о чем свидетельствуют ссылки в его книге на ряд газетных публикаций. Особенно широко были

привлечены материалы газет, связанных с морским ведомством «Кронштадский вестник», «Владивосток», «Морская газета».

В канун поездки Чехов не случайно просил брата выслать ему одесскую газету «Новороссийский телеграф» (из Одессы отправляли часть ссыльных на Сахалин), а Суворина - «запрещенных книжек и газет» (XI, 356, 359) (В частности, в нелегальной газете «Народная воля» от 5 февраля 1882 г. можно было прочитать подробный рассказ о жизни политических ссыльных в Сибири и о трудностях переезда от Тюмени до Томска и далее по Сибири.). Было прочитано большое число журналов, специальных и общих: «Архив судебной медицины», «Военный сборник», «Горный журнал», «Здоровье», «Вестник Европы», «Русский вестник» и др.


РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1893.

Титульный лист журнала 'Русская мысль', где начал печататься цикл очерков о Сахалине

Очерки Чехова, составившие впоследствии книгу «Остров Сахалин», печатались в журнале «Русская мысль» как путевые

заметки на протяжении 1893 и первой половины 1894 г. Всего было напечатано 19 очерков. Четыре последних цензура запретила. Это были наиболее опасные, с ее точки зрения, главы о положении свободного населения, о наказаниях, о побегах и медицинской помощи на острове, которые удалось опубликовать только в отдельном издании книги.

По пути на остров Сахалин Чехов проезжал через Ярославль, Н.-Новгород, Пермь, Тюмень и далее в Сибири - Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, Благовещенск, Николаевск.

В этой поездке, предпринятой в значительной степени на свой страх и риск, Чехов обнаружил лучшие качества журналиста. Он был настойчив в достижении поставленной цели, проявил смелость, большую внутреннюю собранность, наблюдательность, строгость в отборе фактов.

Письма Чехова с дороги - яркие образцы дорожных корреспонденции, очерков как по стилю и языку, так и по содержанию. Чехов видел по пути много грубого, тяжелого, столкнулся с диким произволом и хамством царских чиновников, кулаков и жандармов, с запущенностью сибирского тракта - единственной магистрали, связывающей огромную территорию Сибири с Центральной Россией, убедился в экономической отсталости богатейшего края.

«Многое я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня, не как для литератора, а просто как для человека», - писал Чехов с дороги.

Но он видел также и светлые картины народной жизни, героизм труда сибирского населения, его высокие моральные качества. В путевых очерках «Из Сибири» и в письмах он не раз восклицает: «Какие хорошие люди!», «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!». Чехов любовался могучими сибирскими реками, суровой тайгой - богатой природой сибирского края. Все виденное вселяло в него гордость за свою родину, внушало бодрость, уверенность в лучшее будущее своего народа. «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега», - писал Чехов о Енисее.

«Селенга - сплошная красота», «в Амур влюблен», - такими отзывами полны письма Чехова с дороги (См. письмо Е. Я. Чеховой от 20 июня 1890 г., письмо А. С. Суворину от 27 июня 1890 г.; и др.).

Поездка не только обогатила нашу литературу очерками о Сахалине, она обогатила духовный мир самого Чехова, расширила его кругозор, подняла его идейное сознание. «Какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома! До поездки «Крейцерова соната» была для меня событием, а теперь она мне

смешна и кажется бестолковой», - писал Чехов в одном из писем. Нет ничего удивительного в том, что он так характерно отозвался о болезненных чувствах, изображенных Л. Толстым в «Крейцеровой сонате». Чехов увидел действительные страдания народа, и перед ними страсти, изображенные Толстым, померкли. «Я возмужал от поездки...», - говорил он.

Работая над очерками о Сахалине, готовя их к печати, Чехов вновь обращается к исследованиям и книгам об этом крае. Ему хотелось дать наиболее точное, научное и художественное описание острова Сахалина, жизни на нем.

«Вчера я целый день возился с сахалинским климатом, - сообщал Чехов одному из своих кореспондентов. - Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал черта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно» (XI, 508).

Книга о Сахалине сочетала в себе глубину и точность подлинно научного исследования с художественностью. Она явилась сильным разоблачительным документом, хотя повествование в ней ведется внешне бесстрастно, без обличительных монологов и восклицательных знаков. Но Чехов достигал тем большей силы воздействия на читателя, чем объективнее и «спокойнее» выглядело его богатое по содержанию исследование. Чехова не увлекла, не соблазнила занимательность биографий и сенсационность проступков отдельных каторжников (Сонька - «золотая ручка» и др.), как это случилось с журналистом В. М. Дорошевичем, посетившим Сахалин после Чехова и написавшим книгу о Сахалине.

В очерках о Сахалине Чехов рассказывает о тяжелых условиях жизни и труда каторжных и вольнонаемных, что усугублялось тупостью и недобросовестностью мелких чинов царской администрации, их наглостью и произволом.

Русское правительство, администрация Сахалина не могли организовать на этом богатом острове сколько-нибудь сносного земледелия, рыбных и морских промыслов. Главную причину неудовлетворительности постановки сельского хозяйства автор видит (наряду с трудностями климатическими) в ошибках расселения по острову ссыльных, в нехватке земли. Каждому земледельцу необходимо иметь под зерновые культуры от двух до четырех десятин земли, а по средним статистическим цифрам ее приходится только по 0,5 дес. «Начальство селило людей, не сообразуясь подчас с количеством пахотной земли», в результате чего наиболее удобные районы перенаселены. Реально многие хозяева имеют участки в 1/8 десятины (X, 115, 129, 159)), и нет надежды на изменение к лучшему.

Угольные разработки находились в руках паразитической акционерной компании «Сахалин», которая, пользуясь даровым трудом каторжников и правительственной дотацией, ничего не сделала для развития угольного промысла. Труд каторжника был не организован, неэффективен не только на угольных разработках. Поэтому местное русское население постоянно голодало, не имело сносных жилищ, хотя кругом было много леса и камня. Русская администрация не знала даже точно, сколько населения на острове, и Чехов проделал огромную работу, проведя перепись жителей Сахалина.

Ссыльно-каторжные и свободные поселенцы на Сахалине ничем по существу не отличались друг от друга ни в правовом отношении, ни по условиям жизни. Большое число невинно осужденных жили вместе с закоренелыми преступниками. Каторжник или его дети - свободные поселенцы - могли быть отданы в услужение частному лицу, чиновнику, надзирателю и в этом случае должны были исполнять его волю, работать на него. «Это не каторга, а крепостничество» (X, 63),- возмущенно писал Чехов (В связи с этим утверждением нельзя не обратить внимания на тон речи Петра Алексеева на процессе 50-ти и ряда других публицистических выступлений, где все отношения и порядки русской жизни 70 - 80-х годов характеризовались прежде всего как крепостнические. «...Если ... за исключением праздничного дня все рабочие под строгим надзором, и не явившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, ... значит, они все крепостные\ Если мы... нередко бываем вынуждены просить повышения... заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь, - значит, мы крепостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета... вследствие... притеснения от разных штрафов, пас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых как зачинщиков ссылают в дальние края, - значит, мы крепостные! Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста и первый же встречный квартальный бьет нам в зубы кулаком и пинками гонит вон - значит, мы крепостные!» («Вперед!», 1877, № 5, стр. 30 - 35).).

Сходство условий жизни русского крепостного и каторжника лишний раз говорит об остроте социальных противоречий в России. Такой, по существу, научный вывод, к какому пришел Чехов, наблюдая жизнь на Сахалине, убедительно подтверждает демократический характер его восприятия действительности.

Никто на острове не думал о детях ссыльно-каторжных и лиц, отбывших наказание. Школьное дело было поставлено

неудовлетворительно. Особенно Чехова возмущала вынужденная проституция подростков, телесные наказания, которым подвергались ссыльные и поселенцы.

Внешне на каторге как будто бы все обстояло благополучно, все предусмотрено «уставом» и правилами, мучителей и прямого мучительства как будто бы Мали, а горя людского, «горя реченька бездонная» - так передавал впечатления от очерков о Сахалине один из современников Чехова.

Никакие благие распоряжения и инструкции правительства не в состоянии были изменить положение на острове, о котором говорили: «вокруг море, а посредине горе». Сахалин действительно проклятый остров. Но почему? Потому что порядок жизни определялся произволом администраторов. Царство произвола - вот что такое остров Сахалин. В одной тюрьме плохо, в другой - получше, а общая картина от этого не меняется. Насильственное вселение в дома свободных поселенцев, отдача свободных людей в услужение, телесные наказания - вот конкретные проявления беззакония и произвола.

Но если это так, то вся Россия - остров Сахалин, ибо в каждой губернии тот же дикий произвол администрации, как и на Сахалине. Вся Россия 80-х годов XIX в. напоминала огромную тюрьму, отданную во власть царских администраторов. В этом отношении очерки «Остров Сахалин» перекликаются с рассказом «Палата № 6».

В своих очерках Чехов говорит о высокомерном и грубом, несправедливом обращении царских чиновников с местным населением - гиляками и айно. Численность гиляков постоянно уменьшается, констатирует писатель, места, отводимые им для поселения, крайне неблагоприятны для жизни, и это ведет к вырождению целой народности.

Издевательства администрации, суровый климат и стремление к свободе, «присущее человеку и составляющее, при нормальных условиях, одно из его благороднейших свойств», гонят ссыльного и поселенца с Сахалина, говорит Чехов, поэтому ни о какой серьезной колонизации острова речи быть не может. Царское правительство в этом отношении неизмеримо отстает даже от частных предпринимателей японцев, которые сумели на Сахалине наладить рыболовный промысел. Следует отметить отрицательное отношение Чехова к народническим теориям, утверждениям о какой-то особой общинности русского мужика, который якобы и в остроге, в ссылке живет общинным строем, восстанавливает общину везде, куда бы он ни попал. Такую точку зрения проводил, например, Н. М. Ядрннцев в своей обширной работе «Община в русском остроге» (журнал «Дело»). Как бы в

ответ на подобные теории Чехов писал: «Люди, живущие в тюремной общей камере,- это не община, не артель.., а шайка...». Здесь процветают «ябедничество, наушничество, самосуд, кулачество», ростовщичество и т. д. (X, 92, 93).

В своей книге «Остров Сахалин» Чехов поднимает важную проблему об исправительном значении труда. Труд каторжников не может быть легким: они - преступники и должны искупать трудом свою вину. Среди каторжного населения были люди, действительно совершившие серьезные преступления. Достаточно вспомнить дело Пищикова, из ревности убившего свою жену, чтобы понять, какие люди попадали в ссылку. Жалеть их не приходилось. «Его злодейство подавляет», - говорил Г. Успенский в очерке «Один на один» (Успенский Г. И. Соч. в 9-ти т., т. 6. М., 1956, с. 373.). Поэтому важно раскрыть глубже взгляд Чехова па тяжесть каторжных работ. Писатель говорит об известном числе сосланных по ошибке суда, по оговору и даже самооговору, что раскрывает антинародный, сословно-классовый характер суда, не заинтересованного докопаться до истинных причин преступления, истинных мотивов и состава его участников. Суд охотнее выносил приговор мужику и мещанину, нежели дворянину или чиновнику. Каторга - «учреждение по преимуществу мужицкое» (X, 279): из числа каторжных и ссыльных только одна десятая часть не принадлежит к земледельческому классу, что само по себе также вскрывает классовый характер правосудия в царской России.

Но дело еще и в том, какую роль играет вся система каторжных работ, карательных мер для исправления преступника. В этом заключалась чисто академическая, научная задача Чехова, когда он отправился на Сахалин. Другое дело, что эта задача несколько отошла на задний план после знакомства с жизнью ссыльно-каторжных на острове.

Чехов, как всегда, проявил огромное чутье, поняв, что разрабатывать эту сторону дела не имеет смысла, ибо Сахалин представляет явление более широкое, чем картина каторжной тюрьмы. Здесь на исключительном материале выражались общие тенденции русской жизни с ее произволом и диким неуважением к личности. И он отошел от решения специальной задачи о роли исправительных тюремных заведений. В этом отношении его научный труд не получил своего логического завершения: не система исправительно-воспитательных учреждений выступила на первый план, а общее положение в стране. Исследователи очерков, которые просто сожалеют о строгости и физической тяжести сахалинских наказаний, вызывают недоумение читателя: а как же надо обращаться с каторжниками, совершившими тяжкое

преступление?

«На Сахалине, как и везде на каторге, всякое предприятие должно иметь своею ближайшею и отдаленною целью только одно - исправление преступника» (X, 99), - убежден Чехов.

Труд по освоению Сахалина, труд в сельском хозяйстве, в угольных копях тяжел, вполне достаточен как наказание, искупление за совершенное преступление. Колонизация острова Сахалин - тяжелое дело, требовавшее массу «труда и борьбы», когда в трясине работали по пояс в воде, в дождь, морозы. Прибавьте к этому «тоску по родине, обиды, розги - и в воображении встанут страшные фигуры» (X, 75 - 76). Именно фигуры. Недаром здесь Чехов вспоминает стихотворение Некрасова «Железная дорога». Так было при начале заселения острова. Так было и спустя полвека при посещении его Чеховым. Работающие на постройке дороги в Тарайке каторжники были «ободранные, многие без рубах, искусанные москитами, исцарапанные сучьями деревьев...» (X, 365).

Но этот труд отягощен самодурством, самоуправством, административным насилием, неосведомленностью администрации, а это лишает труд смысла. Против этого и надо бороться. Труд тяжел, в рудниках особенно, но главная тяжесть не в труде, а «в обстановке, в тупости и недобросовестности всяких мелких чинов, - в наглости и несправедливости, произволе. В таких условиях труд лишен творческого начала. Сельскохозяйственный труд не дает удовлетворения, на острове он просто не производителен» (X, 139, 280 - 283).

И этому труду подневольному, неорганизованному Чехов противопоставляет труд творческий, полезный, необходимый, производительный. В конце пятой главы, рассказывая о кузнице, Чехов пишет: «Люди работают весело потому, вероятно, что сознают производительность труда» (X, 99). Нравственная устойчивость Егора (глава «Рассказ Егора») - в труде, который он сам себе находит и который ему предписан. Егор спит 2 - 3 часа в сутки, но он бодрей многих каторжников и ссыльных.

Каторжный Медведев - «человек умный и отважный»- не растерялся в сильный шторм и, несмотря на приказ надзирателя и даже рукоприкладство знатного пассажира, не повел вельбот к берегу, а направил его в открытое море, продержался там всю ночь и тем спас жизнь всем пассажирам и себе самому (X, 195).

Отважным матросом показал себя и каторжный Кузнецов. В бурю, пытаясь бежать с острова, он спасся только благодаря своим качествам смелого человека. «Он мне подавал чай, - рассказывает Чехов. - Это крепкий, смуглый, довольно красивый мужчина лет сорока, по-видимому, гордый и дикий; он мне

напомнил Тома Айртона из «Детей капитана Гранта» (X, 260).

В трудный час, в единоборстве со стихией такие люди проявляют лучшие свои качества и тем дороги Чехову.

В своей книге «Остров Сахалин» Чехов поставил ряд важнейших экономических проблем дальнего прицела. И эта сторона его публицистического труда весьма поучительна с профессионально-журналистской точки зрения.

Прежде всего он ставит вопрос о развитии сельского хозяйства на острове, особенно овощеводства. Он считает, что овощеводство имеет прекрасную базу на острове (глава восемнадцатая).

Остро ставит вопрос о добыче каменного угля, правильной организации рыболовства, промысла морской капусты. Ведь если бы не бывший таганрогский рыбак Василенко, то даже простая засолка рыбы не могла бы быть правильно организована. «Впечатление такое, - пишет автор «Острова Сахалина», - что если бы Василенко не попал на каторгу, то никто бы тут не знал, как надо обращаться с рыбой» (X, 293).

Чехов напоминает о грандиозном проекте устройства плотины в Татарском проливе, которая задерживала бы часть холодных вод и помогла бы изменить климат Сахалина в лучшую сторону. А при отводе холодных вод Охотского моря одна долина реки Тымь могла бы обеспечить «сытое и довольное существование целого миллиона людей» (X, 286).

Писатель поднимает вопрос о развертывании широкой метеорологической службы на острове: «Это, конечно, не легко, но и не так уж трудно» (X, 193), - пишет он.

Медик по образованию, Чехов ставит вопрос об организации серьезной службы охраны материнства и младенчества (глава семнадцатая).

Все эти проекты и пожелания не могли быть осуществлены при царском правительстве. Только после революции 1917 г. советский народ добился замечательных успехов в развитии хозяйства и культуры на острове Сахалин. Тем важнее оценить смелость и дальновидность Чехова, серьезность его наблюдений и выводов. Эта сторона очерковой книги Чехова существенно отличает ее от книги о Сахалине Дорошевича.

Книга Чехова «Остров Сахалин» произвела большое впечатление и в научных кругах и на широкого читателя. Она приковывала внимание к язвам русской жизни, будила общественное сознание.

Чехов критически относился ко многим своим произведениям и не считал нужным включать некоторые из них в собрание сочинений, но этой работой он был доволен. «Мой «Сахалин» -

труд академический... Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености... И рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат» (XII, 42).

* * *

Обратимся к некоторым сторонам поэтики, структуры чеховской очерковой публицистики вообще и книги о Сахалине, в частности.

Нужно сказать, что Чехов редко до поездки на Сахалин прибегал к жанру очерка, хотя среди ранних его рассказов можно найти произведения бессюжетные, близкие к жанру очерка. Таковы «Встреча весны», «Ярмарка», «В Москве на Трубной площади» (опубликованы в журнале «Москва», «Будильник»).

«Встреча весны» - несколько шутливое, но насыщенное реальными картинами и деталями описание ранней весны в большом городе.

Лейкин справедливо находил в рассказе «В Москве на Трубной площади» «чисто этнографический характер». Такую же оценку можно дать и рассказу «Ярмарка».

Чехов рисует маленький подмосковный городишко, который он посетил в дни ярмарки. Здесь изображен и сам город, и все разновидности гостей и городских обывателей, мужчин и женщин, сценки купли и продажи, незамысловатые ярмарочные развлечения и удовольствия.

В этом же рассказе тема обездоленного детства, столь характерная для всего творчества Чехова, впервые прозвучала ярко и отчетливо. Ярмарочная сцена у балагана с игрушками и лавки мороженщика, пронизанная горьким щемящим чувством сострадания к обездоленной детворе, смягчена тонким юмором. «Мухи не могут облепить так меда, как мальчишки облепили балаган с игрушками. Денег у них - ни-ни... Они стоят и только пожирают глазами лошадок, солдатиков и оловянные пистолетики. Видит око, да зуб неймет. Иной смельчак возьмет в руки пищик подержит его, повертит, попищит, положит на место - и довольный, вытрет нос...

Из-за локтей мальчиков выглядывают девочки. Внимание их приковано теми же лошадками и куклами в марлевых юбочках. Детей вы увидите около мороженщиков, которые продают «сахарное» и очень плохое мороженое. У кого есть копейка, тот ест из зеленой рюмочки, ест долго, с чувством, толком, расстановкою, боясь не уловить минуты блаженства, чавкая,

облизываясь, облизывая пальцы. Один ест, а десятка два не имущих копейки стоят «руки по швам» и с завистью заглядывают в рот счастливчика...

Эх, кабы деньги! Где вы, пятаки и пятиалтынные? Нет ничего хуже, томительнее и мучительнее, как ходить в отцовском картузе по ярмарке, видеть и слышать, осязать и обонять и в то Же время не иметь за душой ни копейки. Сколько же счастлив тот Федюшка или Егорка, который может съесть на копейку мороженого, выстрелить во всеуслышание из пистолетика и купить за пятачок лошадку! Маленькое счастье, еле видимое, а и того нет!» (I, 348 - 349).

Тема детской обездоленности занимала не последнее место и в очерках о Сибири и Сахалине. Но эти первые очерковые зарисовки, как и некоторые письма к родным 1887 г., были скромной заявкой на возможность Чехова успешно работать в жанре очерка, реализовать которую он смог в полной мере лишь во время поездки в Сибирь и на Сахалин.

Путевые очерки «Из Сибири» несут на себе все основные признаки очеркового жанра и вместе с тем личности незаурядного автора. Это, действительно, путевые заметки, которые вел Чехов на одном отрезке пути через Сибирь, именно на том, который проходил от Тюмени до Байкала и который пришлось преодолевать на лошадях, с большими трудностями.

Шесть глав из девяти, составляющих все произведение, охватывают впечатления от поездки до Томска, одна глава (последняя) посвящена Енисею и одна - общей характеристике природы, пейзажа Сибири от Тюмени до Енисея.

Особняком стоит седьмая глава, чисто публицистическая, отведенная рассуждениям автора. Движение сюжета в ней как бы остановлено. Отталкиваясь от впечатлений при встрече с ссыльными интеллигентами, Чехов размышляет о характере высших мер наказания в России, о чем уже говорилось.

Непосредственные путевые заметки (сведения о городах, станциях, погоде, состоянии дорог и ценах) перемежаются с отдельным зарисовками человеческих судеб, характеров, рассуждениями о природе края, его несметных богатствах, которые еще не может использовать человек, о труде и быте людей, обслуживающих сибирский тракт (ямщиков, возчиков, паромщиков, почтальонов, кузнецов, подрядчиков, станционных служащих) .

Зарисовки отдельных судеб и характеров людей отличаются двуплановостью, двустильностью, что характеризует очерковый жанр прежде всего.

Одни характеры являются вполне художественными типами,

высокой степенью художественного обобщения, а другие остаются строго документальными зарисовками, передающими непосредственный факт, без всякого художественного домысливания образа из-за нежелания исказить событие, отразившееся в судьбе встреченного по пути человека.

И если образы бобыля-переселенца (первая глава) или кузнеца (девятая глава) воспринимаются и как реальные личности и как художественные типы, так велика в них сила обобщения авторского восприятия, то образ богатого крестьянина, «жирного человека» Петра Петровича (пятая глава) явно документален, дагерротипен. И в каждом случае именно выбранное автором решение создает яркий образ.

Самые выразительные, эмоционально-окрашенные авторским восприятием картины в цикле очерков связаны с изображением творческого труда. В этих эпизодах очень ярко проявилось чеховское мастерство применения художественной детали. Вот картина приготовления хлеба: «Дверь отворена, и сквозь сени видна другая комната, светлая и с деревянными полами. Там кипит работа. Хозяйка, женщина лет двадцати пяти, высокая, худощавая, с добрым, кротким лицом, месит на столе тесто; утреннее солнце бьет ей в глаза, в грудь, в руки, и, кажется, она замешивает тесто с солнечным светом» (X, 13).

Не менее ярко обрисован кузнец, о котором говорят ямщики: «У-у, это большой мастер!» «Работал он небрежно, нехотя, и казалось, что железо принимало разнообразные формы помимо его воли... Изредка, точно из кокетства или желая удивить меня и плотников, он высоко поднимал молот, сыпал во все стороны искрами и одним ударом решал какой-нибудь очень сложный и мудреный вопрос. От неуклюжего, тяжелого удара, от которого, казалось бы, должна была рассыпаться наковальня и вздрогнуть земля, легкая железная пластинка получила желаемую форму, так что и блоха не могла бы придраться» (X, 38).

Здесь невольно вспоминаются мастеровые, мужики-умельцы из произведений Гоголя, Лескова, Успенского. Присутствие личности автора явно ощущается и в очерках о Сахалине. Вся книга состоит из 28 очерков-глав. Первые 14 глав заняты описанием северной и южной частей острова Сахалин. Здесь все время сохраняется личностное повествование: «Я прибыл», «Я могу переночевать», «Я хожу по берегу», и даже тогда, когда Чехов увлекается описанием местного общества, исторических фактов, он часто, как бы обрывая себя, заявляет: «Но буду продолжать о себе...». Это дань жанру путешествия, путевого очерка: читатель охотнее следит за событиями вместе с автором. Но это не значит, что автор переключает внимание на себя. Он только создает

впечатление динамики, движения, познания нового.

Описание Северного Сахалина (куда сначала прибыл Чехов) более подробно, так как многие моменты описания каторги в южной части острова повторялись, доказательность изложения не требовала подробностей первой части.

Последующие восемь глав посвящены отдельным проблемам: прохождению самой каторги, ссылке, положению женщин, детей, состоянию сельского хозяйства и промыслов, пище, одежде, наказаниям, побегам, описанию свободных поселенцев, местных народностей. Последняя глава, двадцать третья, - непосредственная дань своей профессии врача - о болезнях и постановке медицинской помощи на острове. Здесь уже на первый план выходят не личные впечатления, а факты, документы, цифры, проблемы, волнующие автора как специалиста.

Особенностью чеховского изложения является сжатая форма повествования. Нет повторений, нет нажима на отдельные детали, выводы. Экономная манера письма, свойственная Чехову-художнику, не изменяет ему и здесь.

До сих пор этот лаконизм публицистики Чехова не оценен в должной мере. А Чехов постоянно верен себе, в каком бы жанре он не работал. В этом отношении показательны воспоминания В. М. Лаврова. Он пишет, что Чехов стремился придать рукописи «как можно меньший объем» и нужны были усилия редакции «Русской мысли», чтобы книга вышла в том виде, как мы ее знаем («Русские ведомости:», 1904, № 202.).

Отдельные эпизоды, наблюдения, вставленные в повествование, могли бы стать основой для длинных рассуждений, развернутых сравнений, а у писателя они появляются и проходят как бы мимоходом, случайно. Но нагрузка, значение этих мимолетных замечаний, этих мазков велико (см., например, о сходстве донецких шахт с каторжным рудником в дуйской долине в главе восьмой). Даже вывод о крепостнических порядках на Сахалине не акцентирован, не повторяется, хотя он чрезвычайно важен. Определив порядки на Сахалине как крепостнические в главе пятой, Чехов еще один лишь раз упомянет об этом в главе тринадцатой, кратко, как бы мельком, без желания нажать на мысль (она слишком серьезно была высказана ранее). Сделано это по поводу такого характерного бытового эпизода: за обедом старик Савельев, которого используют как лакея и повара, «подал что-то не так, как нужно, и чиновник крикнул на него старого: «Дурак!»... Я посмотрел тогда на этого безответного старика и, помнится, подумал, что русский интеллигент до сих пор только и сумел сделать из каторги, что самым пошлым образом свел ее к

крепостному праву» (X, 212). Знакомая по рассказу И. С. Тургенева «Бурмистр» картина, которая послужила В. И. Ленину в статье «Памяти графа Гейдена» иллюстрацией жестокости «цивилизованного» крепостника-барина.

Весьма интересна роль подстрочечных примечаний в книге. Они выполняют прямую свою функцию - давать справки. Но вместе с тем сюда отнесены подчас «романические» эпизоды и, что особенно важно, сведения о героических поступках, сильных характерах. Ввести в основной текст их было бы трудно: они могли нарушить основную тональность повествования об острове страданий, но целиком пожертвовать ими Чехов не мог и не хотел. Мы уже говорили о его тоске и тяге к сильным характерам, людям, способным на подвиг, и поступиться фактами героического поведения он не мог, но они ушли в примечания. Это рассказ о смелой, мужественной женщине Екатерине Ивановне Невельской, которая по пути на Дальний Восток сделала верхом 1100 верст и отказалась первой покинуть тонущий барк «Шелехов», заявив: «Командир и офицеры съезжают последними, а я съеду с барка тогда, когда

ни одной женщины и ребенка не останется на судне» (X, 47). Это рассказ об агрономе М. С. Мицуле, исходившем почти весь Сахалин пешком, «человеке редкого нравственного закала, труженике, оптимисте и идеалисте», написавшем «оду в честь сахалинского плодородия» (X, 202). Это рассказы о матросах Медведеве, Кузнецове и некоторых других.

Чехов совершил свое путешествие в необычных для современности условиях: проехать большую часть Сибири и Дальнего Востока на лошадях, лодках сейчас может только заядлый турист. Обычный маршрут журналиста - скоростной перелет на воздушном лайнере. Но любой способ передвижения открывает перед вдумчивым журналистом большие творческие возможности. Климатические, ландшафтные контрасты, раскрывающиеся при перелете на самолете к берегам Тихого океана, панорамы великих сибирских и дальневосточных строек таят в себе неисчерпаемые журналистские сюжеты и находки. Но и путешествие в кибитке, повозке через бескрайние просторы Зауралья, Сибири и Дальнего Востока имело свои неповторимые прелести. Физическая усталость, холод, чувство острой опасности на отдельных этапах пути, встречи и наблюдения - все это воспитывало личность, обогащало духовный мир, закладывало в память многочисленные сюжеты и темы будущих произведений.

Очерки о Сахалине вместе с путевыми записками «Из Сибири» свидетельствуют о большом таланте Чехова-журналиста, о его несомненно демократической позиции, которую он занял в

нашей предреволюционной печати, о его постоянной тяге к публицистической деятельности.

* * *

После окончания работы над книгой о Сахалине наступает новая полоса относительно активной газетно-публицистической деятельности Чехова. Кроме многочисленных рассказов 90-х годов он пишет серию газетных статей и среди них «Беллетристические» обеды», несколько заметок о русских артистах (И.А.Мельникове, М. А. Потоцкой, Н. Н. и М. И. Фигнер), фельетоны, некрологи, публикует материалы о помощи roll

лодающим и т. д. Много сил отдает переписке с начинающими литераторами и журналистами. В 1895 - 1898 гг. Чехов принимает горячее участие в судьбе медицинского журнала Н. В. Склифосовского и П. И. Дьякова «Хирургия», пытается помочь выработать новую программу газете «Крымский курьер».

Вместе с передовыми людьми своего времени он откликается на жгучие проблемы современности: осуждает теорию «малых дел», вскрывает внутреннюю несостоятельность культуртрегерства, весьма скептически относится к толстовству как философской теории, критикует ненормальный, антигуманный характер отношений между людьми в эксплуататорском обществе, бесчеловечность торгашей, пошлость буржуазной интеллигенции, протестует против «мелочей жизни», поработивших человека. Он понимал, что «смысл жизни только в одном - в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову и чтобы она - крак! Вот в чем смысл» (VII /254).

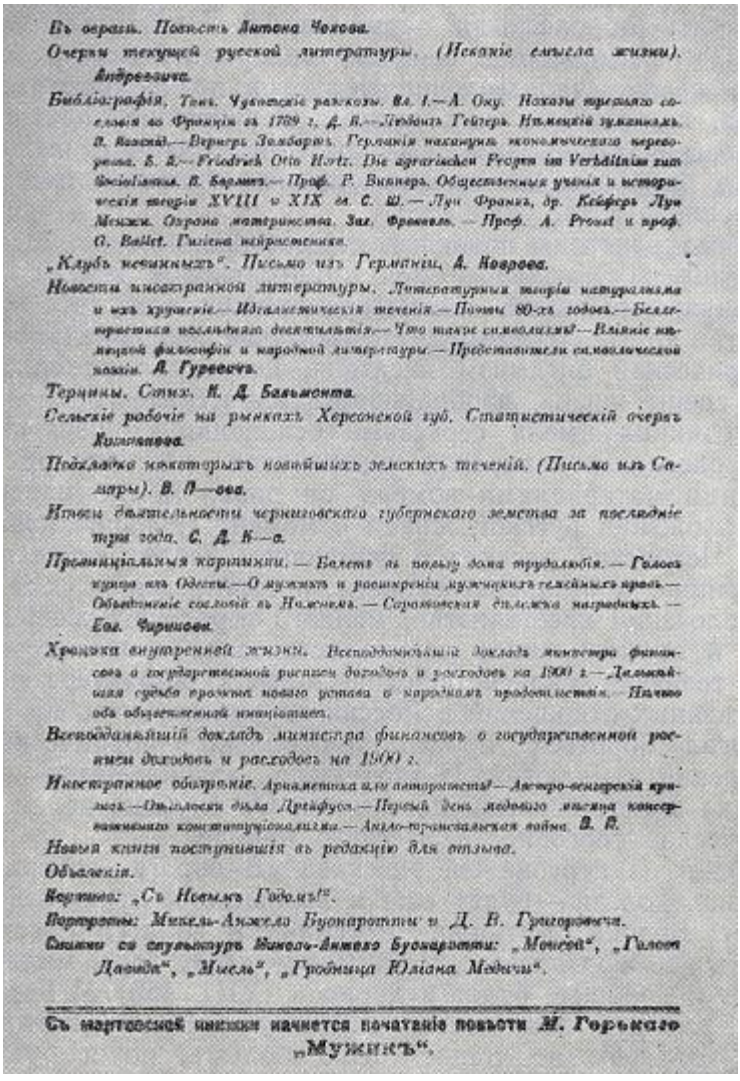
Не случайно в 1895 г. имя Чехова стояло рядом с именами других писателей и общественных деятелей под петицией Николаю II о стеснениях печати в России, а в 1902 г. писатель демонстративно отказался от звания академика в знак протеста против отмены царем избрания М. Горького в почетные члены Академии наук.

Особенного внимания заслуживает участие Чехова в 1900 г. в журнале «Жизнь» и крепнущая дружба с А. М. Горьким. В это время в журнале «Жизнь» печатались марксисты, имелся хороший отдел беллетристики, активную роль в котором играл Горький.

Обложка и содержание журнала 'Жизнь' № 1 за 1900 год. В этом номере были напечатаны статья В. И. Ленина

Самым замечательным здесь оказалось то, что повесть Чехова «В овраге» была напечатана в одном номере со статьей В. И. Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве».

Как видно из переписки, Чехов рассчитывал, что повесть будет напечатана во втором номере журнала (см. письмо к О. Л. Книппер от 2 января 1900 г.). Однако редакция поместила это произведение в первом номере.



Въ оврагѣ. Повѣсть **Антона Чехова.**

Очерки текущей русской литературы. (Исканіе смысла жизни). **Андреевича.**

Библіографія. Тинъ. Чукотскіе разсказы. Вл. I.—А. Ону. Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 г. Д. В.—Людвигъ Гейгеръ. Нѣмецкій гуманизмъ. П. Вонгиб.—Вернеръ Зомбартъ. Германія наканунѣ экономическаго переворота. Б. А.—Friedrich Otto Hertz. Die agrarischen Fragen im Verhältnisse zum Socialismus. В. Барлинъ.—Проф. Р. Виппер. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. С. Ш.—Луи Франкъ, др. Кейферъ Луи Менжи. Охрана материнства. Зак. Франкель.—Проф. А. Proust и проф. G. Ballet. Гигіена нейрастеника.

„Клубъ невинныхъ". Письмо изъ Германіи. **А. Коврова.**

Новости иностранной литературы. Литературныя теоріи натурализма и ихъ хрупкіе.—Идеалистическія теченія.—Почты 80-хъ годовъ.—Беллетристика послѣдняго десятилѣтія.—Что такое символизмъ?—Вліяніе нѣмецкой философіи и народной литературы.—Представители символической поэзіи. **А. Гуревичъ.**

Терцины. Стих. **К. Д. Бальмонта.**

Сельскіе рабочіе на рынкахъ Херсонской губ. Статистическій очеркъ **Хитаянова.**

Подкладка нѣкоторыхъ новѣйшихъ земскихъ теченій. (Письмо изъ Самары). **В. П—ова.**

Итоги дѣятельности черниговскаго губернскаго земства за послѣдніе три года. **С. Д. К—а.**

Провинціальныя картинки.—Балетъ въ пользу дома трудолюбія.—Голосъ купца изъ Одессы.—О мужикѣ и расширеніи мужицкихъ семейныхъ правъ.—Объединеніе сословій въ Нижнемъ.—Саратовская дѣлежка наградныхъ.— **Евг. Чирикова.**

Хроника внутренней жизни. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1900 г.—Дальнѣйшая судьба проекта новаго устава о народномъ продовольствіи. Нѣчто объ общественной инициативѣ.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1900 г.

Иностранное обозрѣніе. Ариметика или авторитетъ?—Австро-венгерскій кризисъ.—Отголоски дѣла Дрейфуса.—Первый день медового мѣсяца консервативнаго конституціонализма.—Англо-трансвальская война. **В. П.**

Новыя книги поступившія въ редакцію для отзыва.

Объявленія.

Портретъ: *„Съ Новымъ Годомъ!".*

Портреты: *Микель-Анжело Буонаротти и Д. В. Григоровича.*

Снимки со скульптуръ Микель-Анжело Буонаротти: *„Моисей", „Голова Давида", „Мысль", „Гробница Юліана Медичи".*

Съ мартовской книжки начнется печатаніе повѣсти М. Горькаго „Мужикъ".

'Капитализм в сельском хозяйстве' и повесть А. П. Чехова 'В овраге'

Уже 7 января В. А. Поссе телеграфировал Чехову в Ялту, что ему послана корректура рассказа «В овраге». 11 января Чехов возвращает корректуру обратно, подчеркивая: «корректуру держал я недолго, только одни сутки» (XII, 386).

Возможно, редакция торопила Чехова, чтобы успеть поместить его рассказ в первом номере (Об известной торопливости редакции косвенно свидетельствует большое число опечаток в журнальном тексте рассказа. См. об этом в письме Чехова В. А. Поссе от 5 февраля 1900 г.). Как вспоминал Поссе, Горький в середине января в беседе с ним очень хвалил

произведение Чехова и подчеркивал тот мотив, который потом отразился в рецензии Горького на рассказ «В овраге»: «И есть у него что-то новое; что-то бодрое и обнадеживающее пробивается сквозь кромешный ужас жизни» (Летопись.., с. 607.).

Сама рецензия появилась чрезвычайно скоро. Первый номер «Жизни» вышел в 20-х числах января, а 30 января в газете «Нижегородский листок» был напечатан отзыв Горького, в котором подчеркивался исторический оптимизм писателя, несмотря на тяжелые сцены жизни, изображенные в рассказе.

Редакция имела серьезные основания напечатать этот рассказ в январской книжке, так как вместе с другими материалами номера он давал яркую картину положения русской жизни в момент ее капитализации. Чеховский рассказ о фабричном селе «средней губернии», о безнравственности капиталистов и их дел, о вовлечении крестьянства, мелкого городского мещанства в промышленное капиталистическое производство был созвучен марксистским выводам о характере общественных отношений в России на рубеже двух веков, помогал бороться против либерально-народнических воззрений и иллюзий. И что было важно, Чехов не впадал в исторический пессимизм. Он глубоко верил в творческие способности русского народа.

Один из персонажей рассказа «В овраге» говорит: «Жизнь долгая - будет еще и хорошего и дурного, все будет! Велика матушка Россия!... Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая, будет и хорошее, будет и дурное» (VIII, 450). М.Горький, цитируя эти слова, добавлял: «Будем верить, что хорошего не только было больше, но и будет больше!» (Горький М. Соч. в 30-ти т., т. 23. М., 1953, с. 318.).

На рубеже XIX - XX веков «мирный» период развития капитализма подходил к концу. «Мирная» эпоха сменялась, по словам В. И. Ленина, «катастрофичной, конфликтной» (См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 94.). В творчестве Чехова общие социальные закономерности отразились ощущением близкого изменения всего строя жизни, острым чувством исторической неизбежности коренного обновления мира. И Чехов не боялся этого. Вместе с героями своих последних произведений он говорил: «Здравствуй, новая жизнь!»

Не представляя себе достаточно ясно средств борьбы с самодержавием, он. тем не менее всей своей жизнью, всем своим творчеством приближал торжество идей справедливости, идей социализма.

Писатель и газета. Из опыта Чехова-новеллиста

Активное участие Чехова и многих его современников в газетной печати последней трети XIX в., многочисленные высказывания писателей о журналистском труде, и в частности о газетной работе, все увеличивающаяся роль газет к концу XIX в. создают благоприятные предпосылки для рассмотрения вынесенной в заголовок проблемы. На примере творчества Чехова и некоторых его современников представляется интересным выявить персональный и общий характер взаимоотношений художника слова и периодической печати газетного типа во второй половине XIX в.

Чем ближе XX век, тем роль ежедневных изданий в системе периодической печати становится значительнее, газета получает преимущество перед журналом как орудие политической борьбы, как средство формирования общественного сознания и до известной степени как фактор литературного развития.

Однако до сих пор газетная печать все еще не привлекает внимание исследователей творчества Чехова и других писателей 80-х - 90-х годов. Пренебрегая газетами как таковыми, мы обедняем представление о литературном процессе, о литературно-общественной борьбе всего XIX в. Не только в практике толстых журналов складывался литературный процесс. В каких-то существенных моментах он формировался и в ежедневных, еженедельных изданиях, особенно во второй половине XIX - начале XX в. Об этом все настойчивей говорили современники, начиная с конца 50-х годов.

В период 1848 - 1890 гг. «журналистика играла важную роль... - считал Н. К. Михайловский, - обойти ее нет никакой возможности в истории новейшей литературы... Журнал, а потом и газета определяли собой нередко и форму и содержание произведений даже выдающихся талантов, в журналах и газетах группировались большие и малые силы для общего дела; журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведения даже таких писателей, которые стояли, по-видимому, вне всяких отношений к «возникновению, падению и взаимным отношениям различных органов печати»; на журнальную или собственно редакторскую работу тратилась значительная часть сил выдающихся писателей... Но журналы и газеты служили, кроме того, точкою приложения для работы второстепенных и третьестепенных сил, в массе имевших, однако,

большое значение и выражавших собою известное литературное течение» (Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 7. Спб., 1909, с. 121-122. Курсив мой. - Б. Е.).

Сейчас игнорировать роль ежедневной и еженедельной печати в литературоведческих трудах становится все трудней. Не случайно в новом 3-томном исследовании «Русская литература конца XIX - начала XX в.» (М., 1968 - 1972) дается подробная летопись литературных событий, в которую широко включен материал, отразившийся в ежедневных газетах.

Хотя подобная летопись не заменит исследования о значении ежедневной печати в ходе литературного процесса (это еще только материал для исследования), но ее было бы полезно иметь и для всего XIX в., не только для 90-х - 900-х годов.

В историко-филологической науке проблема «писатель и газета» практически не нашла своего решения. В новом издании Литературной энциклопедии в статье «Писатель и газета» признается значение ежедневного издания для творчества и политической деятельности писателя: «Газета порой играет роль школы для начинающего писателя» (Краткая литературная энциклопедия, т. 5. М., 1968, с. 759.). В качестве примера приведена деятельность Ч. Диккенса, Э. Хемингуэя, А. Чехова, Л. Андреева и др., но литература, указанная к статье, крайне бедна. Несколько лучше обстоит дело с изучением вопроса применительно к советской журналистике (См.: Варустин Л. Э. В.И. Ленин о союзе писателя и газеты. - «Вести. ЛГУ. Сер. История, язык к литература», 1971, N° 14, вып. 3; Бережной А. Ф. «Писатель и газета». Л., 1960; и др.) и все Же приходится согласиться с утверждением проф. М. В. Урнова, что «зависимость творчества от характера издания (особенно газеты.- Б. Е.), влияние типа издания на результат творчества - проблема существенная и еще не обследованная» (Урнов М. В. Послесловие к роману Т. Гарди «Мэр Кэстер-брнджа». М., 1971, с. 327.).

Исследовать проблему «писатель и газета» достаточно трудно, так как невозможно всех писателей подвести под один ранжир, одну закономерность. Путь каждого писателя в литературу, в периодическую печать своеобразен. Здесь нет чистых линий. Например, Н. С. Лесков шел к газете от толстого журнала, А. П. Чехов, наоборот, от еженедельника, газеты пришел к ежемесячнику. М. Е. Салтыков-Щедрин почти не печатался в газете (не считая его публикаций в «Русских ведомостях»), а Л. Н. Толстой в конце жизни часто обращался к услугам газет. Г. И. Успенский много сотрудничал в газете, но все же его очерки и рассказы, напечатанные в периодических органах, почти не несут на себе яркой специфики изданий, их публиковавших. И очень

яркую специфику обретают газетные рассказы Лескова и Чехова.

Все это, однако, не мешает установлению некоторых общих положений, общих закономерностей.

Во второй половине и особенно в конце XIX в. крупные писатели-беллетристы все активней втягивались в газетную работу. Это относится к Н. С. Лескову, Г. И. Успенскому, А. П. Чехову, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамину-Сибиряку, Н. Г. Гарину-Михайловскому, И. А. Бунину, А. И. Куприну, А. М. Горькому, Л. Н. Андрееву, А. С. Серафимовичу и многим другим (Количество газет, где сотрудничали видные русские писатели второй половины XIX в., не поддается пока еще точному учету, но речь идет о десятках ежедневных изданий. Например, Лесков сотрудничал в 15 ежедневных изданиях, Успенский в 9, Чехов в 7, Серафимович (до 1901 г.) в 3 и т. д.) .

Газета использовалась не только как оперативный орган для какого-нибудь неотложного заявления, корреспонденции или фельетона на злобу дня. Здесь вырабатываются специфические газетные художественные формы, прежде всего очерк, зарисовка, рассказ, новелла. Газета выступает как средство художественного воспитания масс, проведения передовыми писателями в народ, потянувшийся к культуре, здравых понятий, благородных идей, просто полезных сведений, в конечном счете - пропаганды идей гуманизма и демократии, утверждения реалистических художественных принципов. Роль газеты в личной судьбе писателя увеличивается.

Если Салтыков-Щедрин, Достоевский, будучи активными и постоянными читателями газет, лишь черпали сюжеты, темы и факты для своих произведений из ежедневной прессы, то писатели более позднего поколения были не только читателями газет, они росли как литераторы в газетной среде, вращались в мире газетчиков, работали секретарями редакций, корреспондентами, корректорами (например, Г. Успенский, Александр Чехов, В. Короленко), хорошо знали эту среду, принимали к сердцу ее интересы, судьбы отдельных газет и газетчиков (См. издание Лесковым книжки «Три рассказа» в 1863 г. в пользу наборщиков типографии «Северной пчелы», хлопоты о материальной помощи семье Пальма; заботы Чехова о сотруднике «Будильника» Ф. Ф. Попудогло, сотруднике «Развлечения» С. А. Епифанове.).

Выступая в газете, они прежде всего ценили ее как надежный способ общения с массовым читателем, ибо русский ежемесячник не носил массового характера, а чем ближе к XX в., тем больше утрачивал позиции массового средства пропаганды: тиражи газет намного превышали тиражи журналов. В лучшем случае в лучшие

времена влиятельный ежемесячный журнал был массовым изданием преимущественно одной лишь прослойки общества - дворянской или разночинной интеллигенции, ибо народ был неграмотен.

А были журнальные издания, которые сознательно чурались массовой аудитории, или велись слишком неумело, чтобы стать массовыми: их сухость, безжизненность содержания отталкивала широкого читателя.

Не случайно Н. С. Лесков в 1870 г., желая помочь редактору журнала «Беседа» С. А. Юрьеву, указывал в письме: «...бога ради оживляйте Ваш журнал статьями и художественной мелочью, отвечающими требованиям легкого читателя! Недостаток таких вещей не проходит безнаказанно для финансовых средств издания, а это не вздор. Что делать? Надо мешать дело с бездельем... Что же нет у Вас писем о петербургском театре и о петербургской жизни - особенно о петербургской семье?.. Полноте только говорить «о матерьях важных». Разве жизнь дня сего тоже не важная материя?» (Лесков П. С. Соч. в 11 -ти т., т. 10. М., 1951, с. 301.).

Однако издатели и редакторы подобных журналов не всегда откликались на такие призывы, именно не желая расширения популярности журнала вне определенных сфер.

Ограниченный характер ежемесячного журнала как типа издания хорошо чувствовали все русские писатели второй половины XIX в. Высокая цена, слабое распространение журналов книготорговцами и агентствами н массе читателей из простонародья были фактом (Наивысшие тиражи «Современника» в 60-е годы - 7700, «Отечественных записок» - в 80-е - 10 000, «Русского богатства» в 90-е - 14000 экз.). И это понимали писатели, журналисты, например Лесков, о чем он пишет в письме Суворину от 16 мая 1888 г.: «толстых журналов мужикам не набраться, а газетный лист до них доводят...» (Лесков Н. С. Соч., в 11-ти т., т. 10, с. 389. Ср. Окт. Мильчевский: «Мещане, цеховые и вообще беднейшие горожане.., если что-нибудь читают и выписывают периодически, то, конечно, не толстые журналы, а разве газеты и то дешевые...» («Книжный вестник», 1865, № 13, с. 254).).

Желание послужить своим творчеством массовому читателю играло не последнюю роль в действиях писателей конца XIX в. Такое положение сохранилось и в начале XX в. Образовательный ценз журнального читателя оставался очень высоким. Короленко, например, хорошо чувствовал особый характер журнального читателя. Возвращая рукопись М. П. Новикова Л. Толстому, он писал в апреле 1908 г.: «По основному своему содержанию статья

совершенно для журнала не подходит... Если бы эта статья... попала в среду читателей, еще всецело находящихся во власти этих суеверий, то, конечно, могла бы, несмотря на недостатки изложения, вызнать некоторое движение мысли. Но журналы распространяются в среде читателей, которым выводы автора давно известны, а доводы его стучатся в давно открытую дверь. Здесь статья не только не вызовет никакого движения мысли, но просто останется неразрезанной и представит в журнале мертвый баласт. Те, кому она будет доступна на страницах журнала,- ею не заинтересуются, а те, кому она могла бы сказать нечто новое в журнале ее не найдут» (Короленко В. Г. Соч. в 10-ти т., т. 10. М., 1956, с. 434.).

Во второй половине XIX в. подлинно массовым изданием могла быть только газета или еженедельник. Писатели понимали, улавливали подобный характер ежедневного, еженедельного типа изданий.

Лесков, в силу особых причин, ранее других стал много работать для газеты, хорошо осознавал широту газетной аудитории по сравнению с журнальной и книжной. Уже в конце 60-х годов, включая в свою статью о романе Л. Толстого «Война и мир» подробное изложение отдельных эпизодов, Лесков замечает по поводу пересказа и цитации отрывков: «Мы смело надеемся доставить много интереса всем нашим читателям, которые не устели еще сами прочесть пятого тома «Войны и мира», я таких должно быть немало по всем углам и захолустьям русского царства, куда заходит наша газе-га и куда дорогой роман графа Толстого... попадет, вероятно, еще весьма не скоро» (Лесков П. С. Соч., т. 10, с. 102.).

Г. Успенский в 1876 г. в письме О. К. Нотовичу проводит ту же мысль - «единственное средство бедному, малообразованному читателю узнать, что делается на белом свете - газета, дешевое периодическое издание» (Успенский Г. И. Соч., т. 9, с. 289.).

Не изменилось это положение и позднее.

И Лесков и Чехов должны были в 80 - 90-е годы считаться с тем, что так называемые массовые дешевые газеты читались тысячами простолюдинов (Как писал Н. Г. Чернышевский, «народ-то есть большинство простолюдинов» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 10, с. 506 - 507). Прежде всего это мужики и мещане. Они противопоставлены купцам, чиновникам, дворянам.). Отсюда их стремление дать в эти издания нечто полезное, нравственное, ради воспитания читателя самого низшего уровни, его чувств, мировоззрения. Делали они это достаточно сознательно, не снижая требований к себе, не меняя общей невысокой оценки роли и места подобных изданий в системе печати.

В письме Льву Толстому от 4 января 1891 г. Лесков писал по поводу публикации в «Петербургской газете» святочного рассказа: «...ждал, что похвалите за то, что отстранил в этот день приглашения литературных «чистоплюев» и пошел в «серый» листок, который читает 300 тысяч лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гулящих девок. Как-никак, а это читали бойко и по складам и в дворницких, и в трактирах, и по дрянным местам, а может быть кому-нибудь что-нибудь доброе и запало в ум. А меня «чистоплюи» укоряли - «для чего в такое место иду» (Лесков Н. С. Соч., т. 11, с. 472.).

Здесь у Лескова нельзя не отметить налета проповедничества, желания пропагандировать в народе религиозно-нравственные идеалы, но это ни в коей мере не меняет верного взгляда на газету как более массовое, доступное народу издание, по сравнению с журналом. Причем конкретно речь идет о газете, не отличающейся ясностью своих идейных позиций.

В воспоминаниях Л. Грузинского приводятся такие слова Чехова: «Далось им «Новое время». Ведь поймите же, тут может быть такой расчет... У газеты 50000 читателей, я говорю не о «Новом времени», а вообще о газете, этим пятидесяти, сорока, тридцати тысячам гораздо полезнее прочитать 500 моих безвредных строк, чем те 500 вредных, которые будут идти в фельетоне, если своих я не дам. Ведь это же ясно! Поэтому я буду писать решительно и каждой газете, куда меня пригласят...» (Чехов А. П. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам. Л., 1928, с. 99 - 100. Курсив мой - Б. Е.)) .

Как видим, это стремление дойти до массы было так велико, что литераторы не пренебрегали и заведомо безыдейными, но распространенными изданиями.

Для Чехова такое положение оправдывалось еще и тем, что идейный уровень всех толстых журналов конца 80-х годов резко понизился по сравнению с эпохой Белинского, Герцена, Чернышевского, о чем говорит Чехов в письме Я. Полонскому в 1888 г.: «Разница между самым толстым журналом и дешевой газеткой представляется только количественной, т. е. с точки зрения художника не заслуживающей никакого уважения и внимания» (XI, 183). И отсюда как вывод - «относительно сотрудничества в газетах и иллюстрациях я вполне согласен с Вами. Не все ли равно, поет ли соловей на большом дереве или в кусте» (XI, 182. Курсив мой. - Б. Е.).

Немаловажным обстоятельством для многих писателей недворян, не имевших наследственных капиталов, было и то, что газета давала, хотя и небольшой, но скорый заработок. Переписка литераторов: Лескова, Чехова, особенно Г. Успенского и др.

показывает, каким подчас важным являлся для них заработок к сроку. А в газете легче было получить место для публикации. Газет становилось все больше, издатели испытывали постоянную нужду в литературных силах и искали их.

Однако, без сомнения, главным, решающим здесь остается желание писателей иметь реальную массовую аудиторию. Русские литераторы, стоившие близко к жизни, отличались достаточно ясным пониманием социальных сдвигов в обществе пореформенного периода, прежде всего изменения читательской аудитории.

После реформ 60-х годов читательская аудитория демократизировалась, сделалась сложной и многослойной. Это понимали и Чехов и Лесков. Необходимость удовлетворить потребности среднего слоя населения в печатном органе ощущал в 70-е годы Г. Успенский. В 1876 г. в письме О. К. Нотовичу он писал: «В настоящее время с каждым днем увеличивается масса таких читателей, которых жизнь ставит в необходимость - знать и понимать очень много. Такой читатель большею частию беден, а главное, мало развит, мало образован. Единственное средство для него выйти из затруднительного положения, т. е. узнать, что и как делается на белом свете,- газета, дешевое периодическое издание. Вот такое-то издание я и считаю возможным сделать из «Библиотеки»; несмотря на ее незначительную программу, я считаю возможным за дешевую цену давать читателям книгу, по возможности отвечающую на все вопросы данной минуты» (Успенский Г. И. Соч., в 9-ти т., т. 9, с. 289.).

Речь шла о журнале «Библиотека дешевая и общедоступная», которую в 1876 г. пытался приобрести Нотович.

В 1886 г. в «Письмах с дороги», опубликованных в газете «Русские ведомости» 18 мая (№ 134), Г. Успенский пишет о своем знакомстве с «народной средой, несравненно более многосложной, чем это было двадцать пять лет назад», т. е. в 1861 г.

Понимал Г. Успенский и то, что издание с годовой подпиской свыше 10 рублей недоступно для массового читателя. «Ведь нас читает и выписывает наше издание образованное общество, обеспеченные классы: ведь не мужик дает нам по 17 руб. за экземпляр» (Русские писатели о литературе, т. 2. Л., 1939, с. 358.). Интересно в этой связи суждение Г. Успенского о своих работах. Посылая А. И. Пыпину 9 февраля 1889 г. свои очерки и рассказы, многие из которых первоначально публиковались в периодической печати, для предполагаемого дешевого отдельного издания, Успенский замечает: «Они (книги. - Б. Е.) расходятся среди людей среднего образования и круга»

(Успенский Г. И. Соч., т. 9, с. 550.).

Вот это желание сблизиться с новым малообеспеченным слоем читательской аудитории играло не последнюю роль в сотрудничестве литераторов па газетной полосе. Не случайно и Чехов пишет Суворину из Москвы 18 декабря 1893 г.: «На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею» (XII, 39). «Мужика-покупателя не толкают мимо» это выражение постоянного интереса Чехова к новой прослойке читающей луб лики.

Запросы среды хорошо чувствовал и Короленко. В письме М. Горькому от 12 мая 1895 г., откликаясь па максималистские требовании писателя к газете, литературе, он писал: «Вы что-то унываете и оскорбляете самарского обывателя в Ваших письмах огулом. Бросьте, Алексей Максимович. Всюду люди, всюду большинство такое же, как в Самаре... А главное оно есть такое, как есть, надо его таким брать и самому делать свое дело в этой среде... Нельзя противопоставлять газету остальному миру...» (Короленко В. Г. Соч., т. 10, с. 229-230).

* * *

Придя в газету, литератор прежде всего сталкивался с проблемой формы произведения, его объема. Требования, диктуемые типом издания, не могли им игнорироваться.

Во второй половине XIX в. существовали и другие дополнительные причины, которые подталкивали к выработке новых форм художественной прозы.

Трудности с печатанием в периодических органах произведений больших форм возникали неоднократно. Вспомним, что еще в 60 - 70-е годы в подцензурном журнале «Дело» цензоры требовали представления романов и повестей целиком, а не только тех частей, которые непосредственно предназначались в номер. С аналогичными требованиями сталкивались и редакции «Русской мысли» в 80-е годы и «Русского богатства» - в 90 е. В частности, Короленко встретился с подобным требованием, когда готовил к печати рассказы «Прохор и студенты», «Художник Алымов» (см. его письма И. С. Ивановской от 12 января и 24 января 1897 г. и В. А. Гольпеву от 11 марта 1894 г.). Это обстоятельство в условиях срочной работы, материальной необеспеченности заставляло разрабатывать

произведения малых форм, законченных в своих отдельных частях, которые можно прерывать печатанием, хотя для развития литературы в целом это не могло быть решающим обстоятельством. Но и игнорироваться оно не могло. Такое положение (при растущем предложении со стороны газет) увеличивало возможности коротких публикаций.

Еще больше трудностей возникало при публикации романов (вообще материалов больших форм) в газетах. Об этом красноречиво говорит, например, отзыв цензуры на публикацию в 1873 г. романа Бело «Огненная женщина» в газете «Новости» (в данном случае мы сознательно уклоняемся от оценки содержания произведения).

Газета «Новости» в 70-е годы относилась к массовым, дешевым изданиям, надзор за которыми, как изданиями популярными среди простонародья, был особенно жестким. 23 мая 1873 г. Главное управление по делам печати предписывало Петербургскому цензурному комитету относиться к подобным публикациям с -продолжением «с особой строгостью, так как при таком способе печатания рассказов и романов то, что могло бы быть опровергнуто или разъяснено в дальнейшем движении романа, остается для читателя не опровергнутым и тем может способствовать распространению вредных мыслей...» (Центральный Государственный исторический архив СССР (в дальнейшем ЦГИА). Дело по изданию газеты «Новости», 1871, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 35, л. 147.).

Такие условия заставляли писателей искать новые формы газетной беллетристики (Впрочем, это касалось не только беллетристики, но и критики. Скажем, вместо литературно-критической статьи, литературного обзора в газете появлялась статья-отчет, где пересказ, перепечатка лучших мест разбираемого произведения становились чуть ли не главным признаком жанра. Вместо фельетона появился маленький фельетон и т. д.).

Если цензура испытывала трудности, наблюдая за романами с продолжениями, то и у литераторов возникали свои трудности в связи с необходимостью печатать произведения частями. В ежемесячном журнале все-таки условия сохранялись более благоприятные для публикации повестей и романов, чем в газете или еженедельнике. Лесков, Чехов и другие писатели стали преодолевать эти трудности, создавая газетный тип беллетристики, рассказ-новеллу, способствуя постепенно его внедрению и в толстом журнале. Чехов считал, что «написать недурной рассказ с содержанием и дать читателю 10 12 интересных минут - это, как говорит Гиляровский, не баран

начихал» (XI, 542).

Анализ писем русских беллетристов конца XIX в. показывает их исключительную чуткость к условиям публикации произведений: отдельное книжное издание, журнал или газета.

Лесков в статье «Большие брани» четко проводит разницу между газетой и журналом, чувствует специфику газетной публикации: «Газеты, посвященные разработке вопросов дня, не могут, да и не обязаны отдавать большого места явлениям литературным... Газета, по всем условиям ее издания, не может так внимательно заниматься критикою, как может делать это ежемесячный журнал... Газета различествует от журнала не одним сроком выходов и формою издания: у нее есть свои задачи, между которыми литературная критика занимает не первое место... Здесь закон разделения труда» (Лесков Н. С. Соч., т. 10, с. 55, 56, 58.).

Исходя из этого Лесков и строил свою работу в газете: человек, близко стоящий к литературно-критической работе, в газете предпочитает выступать как рассказчик, фельетонист, корреспондент, но не критик или романист. Тип диктует в известной мере жанр. Специфика издания учитывалась даже в заглавиях. Рассказ Лескова «Очарованный странник» в первоначальном варианте для журнала «Русский вестник» назывался «Черноземный Телемак». В газете же «Русский мир», где он был напечатан, рассказ получил более понятное для массового читателя заглавие «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения».

Не менее чуток был к типу издания и Чехов. «Я Вам не дам этого рассказа, - писал он Суворину 18 августа 1893 г.,- потому, что решил не давать в газеты рассказов с «продолжением следует». Газетная беллетристика не должна повторять того, что давали и дают журналы: для нее практика выработала особую форму, ту самую, которую Мережковский... называет новеллой» (Русские писатели о литературе, т. 2, с. 474.).

Решил он это еще в 80-е годы. «Сотрудничеству в толстых журналах нельзя отказать только в одном удобстве: длинная вещь не дробится и печатается целиком. Когда я напишу большую вещь, пошлю в толстый журнал, а маленькие буду печатать там, куда занесут ветер и моя свобода»,- так он писал Я. П. Полонскому в январе 1888 г. И действительно, все большие повести 80-х годов он отдал в журнал («Степь», «Скучная история» и др.), а не в газету.

«Какое количество строк потребно для «Петербургской газеты?» - спрашивает Чехов в одном из писем 1885 г.

«Спроси Суворина или Буренина: возьмут ли они напечатать

вещь в 1.500 строк? - наказывает он брату в другом письме.- Если да, то я пришлю, хотя и сам лично против печатания в газетах длинных канителей с продолжением шлейфа в следующем №» (XI, 160).

Подчас исполняя работу для газеты, Чехов видел невозможность ее печатания в ежедневном издании, если объем превышал газетную норму - печатный лист.

«...Я писал рассказ в полной уверенности, что пишу его для «Рус[ских] ведомостей]», но рассказ растянулся больше чем на лист, и пришлось отправить его в другое место» (XII, 387). Так случилось и с рассказом «Александрит» Лескова (Лесков в письме И. С. Аксакову сообщал 10 ноября 1884 г. «Поспеваем лишь подавать то, что вприспешню требуется; но трафится штучка, которую облюбуешь и для своего удовольствия сделаешь по-иному. То случилось и ныне. Стал я заготовлять к Р(ождеству) Х(ристову) фантастический рассказец и увлекся им и стал его отделывать, а потом, как отделал, стало мне его жаль метнуть туда, куда думалось...») .

В. Г. Короленко понимал необходимость писать для газеты коротко. Иногда это приводило к творческой неудовлетворенности, но все же законы газетного жанра им соблюдались.

«Я долго не решался на переделку, - писал он с «Слепом музыканте», - но, с другой стороны, - совесть мучила меня при всяком новом издании. Дело в том, что «Слепой музыкант» первоначально писался в фельетонах «Русских ведомостей». Я совсем не могу так работать, и на второй части повести, по моему мнению, это отразилось особенно сильно. Многое, что нужно было сказать образами,- было сказано формулами» (Короленко В. Г. Соч., т. 10, с. 276.). Из этого письма видно, что необходимость писать кратко в газете была очевидна, заставляла искать особой формы («сказано формулами», а не образами).

Еще раньше в 1894 г. в письме М. А. Саблину Короленко, обещая статью о Гацисском, замечает: «я ее значительно сократил, применительно к газете, но все же будет еще фельетона три - четыре...» (Там же, с. 223.), т. е. газета заставляла .писать короче даже статейный материал.

А. П. Чехов в этом отношении оказался самым чутким и гибким, наиболее подготовленным литератором. Отсюда и его наибольший успех как газетного рассказчика. Л. Н. Толстой записал в дневнике, что Чехов «как Пушкин, двинул вперед форму. И это большая заслуга». А беседуя в Ясной Поляне с Б. А. Лазаревским в 1903 г., сказал о Чехове: « - Чехов... Чехов - это Пушкин в прозе» (Летопись.., с. 761.).

Не удивительно, что Чехову было трудно переключаться «а большую работу. В ряде писем 1888 г. можно прочитать такие суждения: «Привыкнув к маленьким рассказам, состоящим только из начала и конца, я скучаю и начинаю жевать, когда чувствую, что пишу середину» (XI, 270). «Я учусь писать «рассуждения» и стараюсь уклоняться от разговорного языка. Прежде чем приступить к роману, надо приучить свою руку свободно передавать мысль в повествовательной форме. Этой дрессировкой я и занимаюсь» (XI, 308) и т. д.

Заслуги Чехова в создании жанра новеллы общепризнаны, но небезынтересно проследить связь этой литературной формы с его участием в ежедневной прессе.

Начало разработки этой формы произошло в юмористических еженедельниках 80-х годов. Там были созданы первые шедевры чеховских новелл, которые обратили на себя внимание Григоровича и других литераторов, критиков.

Сам Антон Павлович без ложной и излишней скромности указывал, причем неоднократно на протяжении 1887 - 1888 гг., что за ним остается заслуга в том, что газетная беллетристика стала достойна внимания критиков и толстых журналов, что к ней стали относиться с уважением.

«Газетные беллетристы второго и третьего сорта должны воздвигнуть мне памятник или по крайней мере поднести мне серебряный портсигар; я проложил для них дорогу в толстые журналы, к лаврам и сердцам порядочных людей» (XI, 275).

«Я счастлив, что указал многим путь к толстым журналам и теперь не менее счастлив, что по моей милости те же самые многие могут рассчитывать на академические лавры... Пути, мною проложенные, будут целы и невредимы-в этом моя единственная заслуга» (XI, 283).

С именем Чехова связано широкое проникновение художественного рассказа на газетную полосу, а с газетной полосы рассказ-новелла прошел в «толстый» журнал.

«Пятью рассказами, помещенными в «Новом времени», я поднял в Питере переполох»,- пишет он брату в мае 1886 г.

В конце XIX в. рассказ, а не роман становился ведущим жанром литературы, и успех газетного маленького рассказа, вобравшего глубокое содержание, сыграл свою роль в закреплении этого жанра в литературном процессе. Чехов в своих суждениях был прав и объективен: он способствовал развитию этой формы творчества. И не случайным выглядит его внимание к творчеству Лескова, дружба с ним, несмотря на разницу в возрасте: Лесков первый много и плодотворно работал в области газетной беллетристики, хотя и не сделал там эпохи.

К выработке новой жанровой формы литераторов толкали, разумеется, не только рамки газетной периодики и характер газет, как более массового типа изданий, по сравнению с журналом. Это лишь одна, пожалуй, внешняя сторона вопроса. Не могли быть решающими и цензурные придирки, трудности печатания в журналах непривычной жанровой формы - небольшой новеллы, рассказа.

Значительно важнее было само содержание произведений, предназначавшихся для газеты. К газетной беллетристике массовых изданий тяготели произведения с определенной, «городской» преимущественно, тематикой.

Чтобы пояснить нашу мысль, остановимся еще раз на Лескове и Чехове. Разница в возрасте, положении, идейных симпатиях этих двух литераторов лишь подчеркивает то общее, что связано с их работой в ежедневной печати.

Оба писателя, сотрудничая в газете, должны были творчески осмыслить те условия, те рамки, в которых им приходилось действовать. Как чуткие натуры, они понимали, что художественные произведения, напечатанные в журнале и газете, должны отличаться не только объемом, но и жанром, композицией, сюжетом, а главное - сферой отображения жизни.

Чехову и Лескову по характеру воспитания, жизненному опыту, социальному положению было легче других определиться как рассказчикам, новеллистам ежедневной прессы.

Дело в том что и Лесков и Чехов избирали предметом своего изображения такие слои русского общества, которые как раз и являлись в 80 - 90-е годы основной читательской массой газетной периодики, были порождены социальными сдвигами пореформенной жизни.

А. М. Горький одним из первых пересмотрел негативную оценку литературной деятельности Лескова. Он ценил в творчестве Лескова внимание к таким слоям русского общества, которых почти не касались другие писатели. Простонародье, люди странных и редких профессий, люди, выломившиеся из своей среды, люди русского захолустья, окраин, «озорники» и чудаки - вот герои его рассказов и повестей. Лесков не проходил мимо интереса со стороны других писателей-современников к людям невысокого звания, не получившим отражения в русской литературе предшествующего периода. «Разве Лейкин «е выразил жизни рыночного быта и мастеровщины?» - спрашивал он, и сам же отвечал: «Лейкин, Атава и Мельников всегда останутся хорошими знатоками и описателями занимавшей их группы русских людей» (Лесков Н. С. Соч., т. 11, с. 459.).

И, видимо, не случайно первые выступления Лескова сходны,

напоминают по тону, сюжетам более поздние, но также первые публицистические опыты М. Горького, связанные с провинциальной жизнью, городской тематикой.

Как справедливо отмечает Б. М. Другов, Лесков в ранней публицистике сатирически резок. В статьях: «О рабочем классе», «Заметки о зданиях», «О русском расселении» и других писатель повествует о тяжелом быте рабочих, об антисанитарном состоянии фабричных помещений. Лесков пишет о неблагоустройстве городов, об учителях начальной школы, библиотеках, о женском образовании, об эксплуатации так называемых «мальчиков», находящихся в услужении у купцов. Все это темы, имеющие явно общее с ранними фельетонами и сатирическими набросками М. Горького в «Самарской газете». Масса забытых литературой слоев, профессий, обстоятельств жизни были предметом изображения того и другого писателя.

Это же можно сказать и о Чехове. В статьях, рассказах писателя также встречается широкое освещение жизни, быта городских людей всех состояний: кучеров, дворников, мастеровых, прислуги, «мальчиков» в услужении, хористок, людей массовых интеллигентных профессий. Опыт Лескова, его интерес к людям разных сословий были близки и понятны Чехову.

Изображение жизни мелкого городского сословия, отдельных происшествий в жизни людей, не способных на самооценки, людей без мировоззрения не требовало больших художественных форм. Сами герои, их незначительные интересы, мимолетные встречи и личные, бытовые столкновения в городских условиях определяли характер рассказов-новелл. (Другое дело, что и в этой мимолетности можно было уловить большие жизненные проблемы, социальные и общечеловеческие, но удавалось это лишь настоящим художникам, отнюдь не всей массе газетных беллетристов.).

А. П. Чехов. Портрет худ. И. Э. Браза, 1898 г.

Сам Чехов определял свои газетные рассказы как «маленькие», «мелкие».

Новелла, короткий рассказ, отражающий отдельное событие в жизни человека, характеризуется сжатым, напряженным действием. Автор избегает длинных описаний и ненужных подробностей, опускает некоторые обстоятельства жизни героя и некоторые моменты действия, которые проясняются неожиданно в конце произведения.

Новелле свойствен отчетливый, неожиданный поворот, который сразу приводит действие к развязке. Очень часто в новелле вводятся рассказчик, повествователь, обрамляющие мотивы.

Для этой жанровой формы характерна простота фабулы, ограниченный круг действующих лиц, сокращение диалога (диалог частично заменяется сообщением о его содержании, о теме разговора), определенная экономия поэтических средств.

Чехов преподал много советов начинающим писателям в жанре маленького рассказа, новеллы, причем экономия художественных средств была чуть ли не главным его требованием к жанру. Не всегда Чехов мог это сделать

убедительно с теоретической точки зрения: «В маленьких... рассказах лучше не досказать, чем пересказать, потому что... потому что... не знаю почему!..» - писал он И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 22 января 1888 г. Но от этого дело не менялось. В целом его суждения о жанре газетного рассказа точно вписываются в теоретические понятия о новелле.

«Ваши вещи местами кажутся растянутыми, загроможденными, в них нет той компактности, которая делает живыми короткие вещи», «лишние фамилии только громоздят» (письма Е. М. Шавровой от 17 мая 1897 и 20 ноября 1896 г.). «Разговор... надо передавать с середины» (письмо Авиловой от 21 февраля 1892 г.).

«По моему мнению, описания природы должны быть весьма кратки...» (письмо Ал. П. Чехову от 10 мая 1886 г.). «Красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д. (письмо А. М. Горькому от 3 января 1899 г.). Количество примеров можно умножить.

«Очевидно, сама судьба гнет к роману, если при всяком желании написать рассказ вас начинает искушать целая масса образов, и вы никак не можете отказать себе в удовольствии втиснуть их всех в одну кучу» (письмо Е. М. Шавровой от 25 марта 1896 г.).

Итак, творческое задание, позиция автора, и главное - сфера изображения жизни, содержание определяют жанр короткого рассказа, и этот жанр оказывается наилучшим, наиболее пригодным для газеты.

* * *

На страницы газет легче других художественных форм проходил святочный рассказ, рассказ нравственно-религиозного содержания для рождественских, новогодних и реже - пасхальных номеров изданий. Разработка религиозного, религиозно-нравственного содержания уже была известной гарантией благонамеренности автора и поэтому такие рассказы легче проходили цензуру, редакционные препоны. По этому пути пошли и Лесков и Чехов. Подтверждают нашу мысль и другие писатели. Л. Андреев писал о себе в Автобиографии: «...сперва репортаж, потом маленькие фельетоны, потом большие, потом робкая пасхально-праздничная беллетристика и так далее. Здесь мой путь, как мне кажется, ничем не отличается от пути всякого иного беллетриста, начавшего свою литературную деятельность в

газете» (Сб. «Первые литературные шаги». М., 1911, с. 31. В какой-то степени это относится и к Короленко. Правда, Короленко начинал печатать свои рассказы не в газете, а в журналах. Но в данном случае нас интересует отношение к жанру, его судьбе. Некоторые из первых рассказов Короленко были выполнены как святочные. Это относится к рассказу «Сон Макара» («Русская мысль» за 1885 г.), рассказу «По пути» («Северный вестник» за 1888 г.). Характерна история второго рассказа. «По пути» является переделкой первого варианта рассказа «Федор Бесприютный», не пропущенного цензурой в 1887 г. для того же журнала. Рассказ был переделан с учетом цензурных требований и ему был дан подзаголовок: «святочный рассказ», и представлен он был в цензуру 9 декабря 1887 г., т. е. в канун рождества. Цензор, рассматривая этот вариант, заключил: «рассказ Вл. Короленко легко оцензурить, если только комитет (цензурный. - Б. Е.) признает возможным дозволить упоминаемый рассказ по существу» (ЦГИА. Дело Петербургского комитета по изданию журнала «Русская мысль», 1885, ф. 777, оп. 3, ед. хр. № 43, л. 144 об.)- На докладе цензора резолюция «разрешено оцензурить». О том, как был обезображен рассказ, см. в письме Короленко Чехову от 4 февраля 1888 г.).

Н. С. Лесков в силу своих нравственно-религиозных настроений до конца жизни одобрял форму святочного рассказа, придерживался достаточно строго законов этого жанра, хотя и вносил существенные изменения в содержание и поэтику святочного рассказа. Если он и испытывал трудности со святочным рассказом в конце творческого пути, то особого характера: ему неприятно было опошление жанра бездарными литераторами, наивные сентенции в них, обесценение жанра, спекуляция на жанре. Говоря об этом в письме к Суворину от 11 декабря 1888 г., Лесков заключает: «Я совсем не могу более писать этой формой» (Лесков Н. С. Соч., т. 11, с. 406. Не мог пройти мимо этого несколько поздней и Л. Толстой: «Ну, вот теперь святки, посмотрите, какие в последние годы вошли в моду слащавые святочные рассказы» (Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Воронеж, 1972, с. 178).) .

Не исключено, что здесь уже сказывалось ощущение кризиса формы святочного рассказа. Но это можно только предполагать. Главное же, это утрата художественной структуры, замена тонкого нравственно-психологического воздействия голой дидактикой.

Лесков, как никто другой, был внимателен к истории интересующего нас жанра. В ряде его писем содержатся суждения по поводу судьбы святочного рассказа. Как на наиболее яркого

представителя этого жанра он неизменно указывает на Ч. Диккенса. Лесков признавал, что форма рождественского, святочного рассказа «была возведена в перл в Англии Диккенсом» (Лесков Н. С. Соч., т. 11, с. 406.). В России он считал лучшими рождественскими рассказами - рассказы и повести Н. В. Гоголя. Себя считал в известной мере продолжателем и преемником Гоголя. «У нас не было хороших рождественских рассказов с Гоголя до «Запечатленного ангела». С «Запечатленного ангела» они опять пошли в моду» (Там же.).

Рассказ Лескова «Запечатленный ангел» был опубликован в 1873 г. Он представлял собой журнальный тип «рождественского рассказа» (как назовет его сам автор) объемом около 4 печатных листов. Таким образом, расцвет жанра Лесков относил к первой половине 70-х годов.

Характерной особенностью жанра святочного рассказа писатель считал фантастику, «элемент чудесного», в смысле сверхчувственного и таинственного, как он заявил в предисловии к сборнику святочных рассказов 1886 г. Но вместе с тем Лесков понимал известную искусственность архитектоники и приемов жанра, причем в лучших образцах. Однообразие он находил даже в лучших рождественских рассказах Диккенса. Нелогичную связь (или, как он говорил, «смазь», ибо нарушение логики, здравого смысла было именно смазью, недостатком) он считал неизбежной данью поэтики жанра. «Она очень часто сверкает белыми нитками даже у Диккенса» (Лесков Н. С. Соч., т. 10, с. 468.).

Лесков понимал, что винить автора в этом нельзя, «потому что это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы. От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера.., чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть в роде опровержения вредного предрассудка, и, наконец, - чтобы он оканчивался непременно весело. В жизни таких событий бывает немного, и потому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую к программе. А через это в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие» (Лесков Н. С. Жемчужное ожерелье. Святочные рассказы. М., 1886. Предисловие, с. 3.).

Лесков был сторонником отступления от некоторых строгих канонов жанра. Он считал, что «святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время, и нравы».

Он полагал, что в святочном рассказе можно показать «событие из современной жизни русского общества... и между тем

все бы это отвечало, форме и программе святочного рассказа, то есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предрассудок, и имело бы не грустное, а веселое окончание...».

Отвергая чудесное как сверхчувственное, таинственное, он требовал, чтобы в основе рассказа было «истинное происшествие!» (Там же, с. 4.). Так и писались его святочные рассказы большого объема - «Запечатленный ангел», «Жемчужное ожерелье» и другие, не говоря уже о рассказах для газет.

История о «запечатленном ангеле» рассказывается в канун Нового года, оканчивается благополучно, и, не смотря на то, что она и «священная» и даже «страшная», «чудесное» получает в ней самое простое объяснение, хотя «белые нитки» полностью не устранены (Критика указала на неправдоподобие финала рассказа: переход через Днепр по цепям, скоропалительное принятие православия рабочими-старообрядцами.).

«Жемчужное ожерелье» как бы иллюстрирует то утверждение Лескова, что святочный рассказ должен иметь мораль «в роде опровержения вредного предрассудка», в данном случае - предрассудка о том, что дарить жемчуг - к слезам.

Лесков больше всего ценил, и это вполне понятно, не мораль, а художественное впечатление, которое оставалось от рассказа. Святочные рассказы Лескова, публиковавшиеся в газетах, в отличие от журнальных носят характер более легкого, занимательного и подчас веселого чтения. Как многие рассказы писателя, они построены на каком-то анекдотическом случае, за которым скрываются серьезные жизненные ситуации. И «Чертогон» (1879) и «Путешествие с нигилистом» (1882) несут в себе элементы приключения, фантастики (борение котов в «Чертогоне», появление нигилиста, исчезновение шулера в «Путешествии»), декларируется нечто «загадочное» и «страшное», в них есть чудесное (хотя и с полуироническим наполнением) и благополучный конец. Но, главное, все рассказанное - «истинное происшествие». Лесков «иногда не позволяет себе увлечься слащавой сентиментальностью, не разрешает себе художественной бестактности. Реализм не приносится в жертву слабым сторонам жанра. Лишь в отдельных журнальных рассказах, таких, как «Неразменный рубль», можно найти отзвук сентиментальности.

Лесков затушевывает некоторые черты святочного рассказа, например, обнажение социального неравенства, но вместе с тем не включает в него и чувствительной благотворительности как средства разрешения социальных противоречий.

В этом отношении Лесков, безусловно, сходен с Чеховым 80-х

годов. Теория и практика святочного рассказа Лескова не могла не привлекать Чехова. Анекдотический случай, «страшное», переходящее в комическое, и, главное, истинность происшествия характерны для рассказов раннего Чехова, его первых святочных рассказов.

Не чуждо было и другое - Лесков был сторонником «художественной экономии», отвергал и «фельетонный приступ» и «необходимость обобщений в конце», как случилось с рассказом «Чертогон» (Лесков Н. С. Соч., т. 10, с. 468 (письмо Суворине от 25 декабря 1879).). Больше всего он ценил художественность. Чехов, сохранив черты поэтики святочного рассказа Лескова, пошел, однако, дальше.

Наиболее острый из всех святочных рассказов Чехова раннего периода - «Сон». Писался он для «Осколков» в 1884 г., но Лейкин отклонил его и через год передал в «Петербургскую газету». «Рассказ... длинен по изложению, но бросать я его не стану...», - писал он Чехову (Летопись.., с. 98.).

Трудно согласиться с мнением редактора «Осколков».

Скорее всего острота ситуации, обнаруживающей крайнее неблагополучие жизни городской бедноты («безысходное горе, болезнь, преступление, продажный разврат»), испугала Лейкина. (А иначе почему бы и не бросить рассказ, как предлагал сам автор).

Сюжет рассказа сводится к тому, что бедный служащий ссудной кассы и одновременно ее сторож вместо того, чтобы задержать воров, проникших ночью в кладовую, помогает им, раздает ценные вещи, находясь в состоянии полусна-полубодрствования, за что и оказывается в тюрьме.

В этом рассказе есть ряд характерных признаков святочного произведения. Здесь налицо и страшное, и фантастика, и бедность, и благодеяние, и действие происходит в ночь под рождество. Но в рассказе нет счастливого конца. Полуфантастический сон оказывается действительностью. А человеколюбие, благодеяние героя рассказа - оценщика кладовой ссудной кассы - стало преступлением в системе норм официального мира. Да и благодеяние бедным оказывает в рассказе бедняк, что не входило в каноны святочного рассказа, ибо такое благодеяние выглядело протестом, а не доброй, чувствительной благотворительностью, смягчающей нравы. Такое построение рассказа является дальнейшим, по сравнению с Лесковым, разрушением жанра. Как и у Лескова, но в еще большей степени, фантастическое несет в себе яркие черты реальности. Реплика грабителя: «Не стучи!.. Разбудишь того ирода... Сними сапоги!» полностью разрушает иллюзию полусна-

полубодрствования героя, его видений.

В отличие от Лескова, Чехов, добившись к 1885 - 1886 гг. самостоятельности в литературе, фактически взрывает указанную жанровую форму. Он, как и Лесков в лучших рассказах, заменяет нравственную, нравственно-религиозную проблематику святочного рассказа общественно-нравственной, общественно-политической. В рассказах, которые он предлагает газетам в рождественские номера, - общегражданская тематика. Чехов отказывается от условностей сюжетного построения жанра, сводит на нет фантастический элемент (А иногда вводит и элемент пародийности, чего не было у Лескова.). «Белые нитки», свойственные жанру, устраняются решительно. В 1888 г. Чехов уже выражает недовольство теми своими рассказами рождественских номеров, которые выполнены по канонам святочного рассказа. Так было с оценкой рассказа «Сапожник и нечистая сила».

С 1886 г. у рождественских рассказов Чехов снимает подзаголовок «святочный», но традиция помещать рассказ именно 25 декабря в газетах и еженедельниках сохраняется («Ванька», «На пути» и др.).

24 декабря 1886 г. Чехов писал Лейкину: «Три недели выжимал я из себя святочный рассказ для «Нового времени», пять раз начинал, столько же раз зачеркивал, плевал, рвал, метал, бранился и кончил тем, что опоздал и послал Суворину плохую тянучку...» (IV, 636). Речь идет о рассказе «На пути».

Однако Григорович, Короленко, Рахманинов, Киселева, Александр Чехов оценили рассказ как высокохудожественное произведение.

«То была она», «Ночь на кладбище» (1886) - были последними юмористическими рассказами с подзаголовком «святочные». «Ванька», «На пути», «Зимние слезы» («Из записок госпожи N»), «Гусев», «Страх» - это уже новое качество святочного рассказа. Если фантастический элемент играет крайне незначительную роль уже в рассказе «Ночь на кладбище», а в рассказе «То была она» сводится только к разговору о привидениях в старом помещичьем доме, то «Ванька», «На пути» полностью лишены фантастики. Они связаны с рождественской темой только тем, что действие происходит в ночь под рождество.

Рассказы «Гусев», «Страх» уже и этой связи не сохраняют. Нет здесь и фантастики. Рассказ «Сапожник и нечистая сила», опубликованный в 1888 г. в рождественском номере «Петербургской газеты», где автор снова обращается к фантастическому сну, ему не нравится, не удовлетворяет его. В письме Суворину от 19 декабря Чехов назвал тему рассказа

«жалкой», а в письме от 23 декабря просит не читать его: «мне стыдно за него» (VI, 493; XI, 313).

«Гусев» - страшный своей правдивой безжалостностью рассказ о совести и человеколюбии, об ужасах той стороны русской действительности, которая связана с солдатчиной. Рассказ, написанный под впечатлением поездки на Дальний Восток, как бы предваряет ужасы русско-японской войны. Целый мир русской жизни отразился в этом рассказе, опубликованном 25 декабря, в канун рождества. Бессмысленность многолетней солдатчины, лицемерие и безжалостность военных медиков, деревня с ее заботами, капитализм (символом которого становится бездушная машина - пароход), протест личности против бесчеловечности, готовность русского человека, темного, иногда беспричинно жестокого, погибнуть за другого, и наконец, призыв беречь человека - вот далеко не полный перечень проблем, отразившихся в этом произведении.

В рассказе «Страх» рассуждения героя о таинственном, фантастическом, о загробной жизни включены в ткань произведения лишь для того, чтобы показать: самым страшным оказывается для героя не загробная жизнь, о которой он говорит вскользь, а земная «обыденщина», неразличение «правды» и «лжи», ему страшна бессмыслица жизни. «Если же цель жизни и смысл жизни - в нужде и непроходимом, безнадежном невежестве, то мне непонятно, кому и для чего нужна эта инквизиция...» (VII, 182). Нелепа любовь, лживы и нелепы супружеские отношения и т. д.

Святочный рассказ - это только один из примеров проникновения на страницы газет, еженедельников содержательного рассказа-новеллы, усиления роли писателя-беллетриста в газете второй половины XIX в. И произошло это для прессы как бы незаметно, исподволь, благодаря самостоятельности и авторитету Чехова.

А это, в свою очередь, привело к росту роли газет в литературном процессе, чего не мог не отметить в своих суждениях о журналистике такой опытный публицист и литературный критик, как Михайловский. В истории русской литературы второй половины XIX в., считал он, никак нельзя обойти важную роль журналистики, потому что «журнал, а потом газета» определяли характер литературных произведений (См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 7. Спб., 1909, с. 121 - 122.).

Чехов всю жизнь мечтал о подлинно народной газете. Как вспоминал Сытин, писатель «рисовал передо мною тип настоящей народной газеты.- Газета должна быть и другом и учителем

своего читателя. Она должна приучить его к чтению, развивать в нем вкус и проложить ему пути к книге. Газетный читатель должен дорасти до книжного читателя...» (Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962, с. 123.).

Однако Чехову, как и Лескову, приходилось печатать свои рассказы в газетах отнюдь не передовой ориентации. Каждый по-своему объяснял участие в изданиях, подобных «Петербургской газете», «Биржевым ведомостям», «Новому времени». В основе их выбора лежало сознание того, что газета, особенно дешевая, читается массами, тысячами простолюдинов, тех самых людей, которых они избирали героями своих произведений. И Лесков и Чехов, понимая свою роль и значение в литературе, сознательно стремились к общению с массовым читателем, к воспитанию его нравственных и социальных чувств, формированию его мировоззрения.

Тем не менее их сотрудничество в газете вызывало много нареканий у современных литераторов. В частности, Н. К. Михайловский резко порицал Чехова за сотрудничество в газете «Новое время». Он, казалось, еще убедительнее оспаривал точку зрения Чехова на сотрудничество в газетах, подобных «Новому времени»: «Вы пишете, что лучше уж 'пусть читатели «Нового времени» получат Ваш индифферентный рассказ, чем какой-нибудь «недостойный ругательный фельетон». Без сомнения, это было бы лучше, если бы Вы в самом деле могли заменить собой что-нибудь дрянное. Но этого никогда не будет и быть не может. Ради Вашего рассказа не изгонится ни злобная клевета Буренина, ни каторжные писания «Жителя», ни «патриотическая» наука Эльпе...

Вы своим талантом можете дать только лишних подписчиков и, стало быть, читателей Буренину, «Жителю», Эльпе, которых Вы не замените, и разным гнусным передовицам, которых Вы заменить не пожелаете. Колеблющиеся умы, частью благодаря Вам, .въедятся в эту кашу и, привыкнув, найдут, что она не так уж дрянна,- а уж чего дряннее!.. Не индифферентны Ваши рассказы в «Новом времени» - они прямо служат злу» («Слово», сб. 2. М., 1914, с. 218.).

Но Чехов оставался при своем мнении - в газете работать надо (Характерно в этом отношении письмо Чехова Е. П. Егорову от 11 декабря 1891 г. Соглашаясь с адресатом, что русские корреспонденты - «саврасы», «газеты врут», он все же утверждает: «А не писать нельзя» (XI, 538. - Курсив Чехова).). И исторически он был прав.

Короленко, казалось, был ближе к позиции Михайловского. Он очень строго оценивал возможность участия в дешевых

столичных газетах своего времени, но и он все же печатался, вынужден был печататься, не только в «Руских ведомостях», но в ряде провинциальных газет либерально-буржуазного склада: «Нижегородский листок», «Полтавщина» и др.

А. П. Чехов и М. Горький в Ялте, 1901 г.

Лесков, Успенский, Чехов, Горький, Серафимович, Гарин-Михайловский и другие печатались в газетах широкого либерально-буржуазного диапазона.

Кто же был до конца прав, Чехов или Михайловский? Насколько велика была разница между либерально-буржуазным журналом «Русская мысль», либерально-народническим «Русским богатством», в которых печатался Михайловский, и газетами «Русские ведомости», «Курьер», «Одесские новости», «Нижегородский листок»? Велика ли была разница между названными газетами, хотя сотрудничество в «Русских ведомостях» Михайловский никому в укор не ставил?

С классовой позиции разницы между ними по существу не

было. Это обстоятельство и заставило многих писателей-демократов широко расходиться по нескольким десяткам изданий, не группируясь вокруг немногих или одного, выдержанного по направлению демократического издания (ибо его не существовало), как было в 60-е годы.

Но конечно, сотрудничая в газетной периодике 80- 90-х годов, и Лесков, и Чехов, и Короленко осознавали, что всему есть предел.

Короленко считал, что писать в газету не значит применяться ко вкусам публики. «Между работой для публики и применением к ее дурным вкусам - нет решительно ничего общего»,- писал он В. М. Сухотиной (Короленко В. Г. Соч., т. 10, с. 394 - 395.) . В письме С. С. Вермелю по поводу издания литературы для народного чтения, Короленко писал: «Я выработал себе на этот предмет взгляд совершенно определенный. Все хорошее - для народа годится. Пора давно выбросить этот предрассудок и не кормить народ умственной мякиной сюсюкающей и шепелявящей морали, детскими побасенками» (Короленко В. Г. Соч., т. 10, с. 173.) . Такого же мнения был и Чехов. Еще колоритнее выдержка из письма Лескова Аксакову: «Виссарион Комаров был у меня на сих днях, предлагал мне написать роман для фельетонов Черняева: «чтобы было совсем не художественно, а как можно базарнее и с похабщиной». Никак не мог и на это согласиться. Комаров предлагал, что он мне «сочинит сценарию», а я чтобы только «исполнил...» (Лесков Н. С. Соч., т. 10, с. 435.).

И они работали, не изменяя себе. Не случайно мы оцениваем их не по характеру изданий, в которых они печатались, а по содержанию их собственных произведений, по их вкладу в русскую печать и литературу.

Вместе с тем не следует, конечно, идеализировать сложившееся в XIX в. положение, переоценивать роль писателей в развитии ежедневной периодической печати в целом.

Газетная пресса 60 - 90-х годов ставила свои жесткие, прежде всего идейные, условия писателям, подчиняла себе их творчество и далеко не каждый из них мог отстоять свою самостоятельность.

Опытный журналист и внимательный критик, Н. К. Михайловский, оглядываясь в 90-е годы на прошлое, отмечал, что периодические издания подчиняли себе литераторов достаточно откровенно.

«Журналы, а потом и газеты определяли собою нередко и форму и содержание произведений даже выдающихся талантов... журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведения даже таких писателей, которые стояли, по-видимому, вне всяких отношений к «возникновению, падению и

взаимным отношениям различных органов печати...» (Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 7, с. 121 - 122.).

Газетная печать была достаточно сильной и литературным произведениям отдавала лишь небольшую часть своей площади. Для развития литературных форм это было важно: выяснились потенциальные возможности газетной беллетристики, но в журналистике в целом это ничего изменить не могло. Даже публикация рассказов М. Горького в «Русских ведомостях», «Кавказе», «Самарской газете» или Серафимовича в «Приазовском крае» не меняла их лица, и только достаточно мощный коллектив сотрудников-единомышленников мог изменить характер газеты и то до известной степени. Определяли лицо газет издатели.

Вот голоса современников.

Чехов: «Ты для «Нового времени» нужен, - писал он в сентябре 1887 г. старшему брату Александру. - Будешь еще нужнее, если не будешь скрывать от Суворина, что тебе многое в его «Новом времени» не нравится. Нужна партия для противовеса, партия молодая, свежая и независимая... Я думаю, что, будь в редакции два-три свежих человека, умеющих громко называть чепуху чепухой» г. Эльпе не дерзнул бы уничтожать Дарвина, а Буренин долбить Надсона...» (XI, 153).

Короленко: «...Несколько очень порядочных людей, рассорившись с «Самарской газетой», начинают скопом сотрудничать в «Самарском вестнике». Надеются ли они ее улучшить? - без всякого сомнения...

Они провинились, по Вашему, в том, что пошли в «подлую газету». Для меня вопрос - подлая ли она теперь, когда они там работают. А если судить лишь по прошлому, да по издателю - то ведь Пороховщиков тоже негодяй изрядный, а «Русская жизнь» была вначале гадость полнейшая. И, однако, это не помешало кружку хороших людей войти в нее и сделать то, что теперь, как бы то ни было, именно «Русской жизни» не вычеркнуть из истории русской газетной прессы. С этой точки зрения Вам не следовало недавно работать в «Волгаре», а А. А. Дробышевскому в «Листке» и т. д. и т. д. Что же делать - провинциальная пищущая братия есть пока Израиль, бродящий в пустыне самого пошлого аферистского издательства... А пока - он вынужден толкаться от двери к двери, и по-моему, если люди добросовестно полагают, что, входя кружком, гарантированы от подлостей во время своей работы,- этого достаточно, и мы уже должны смотреть лишь на печатный лист, а не на богомерзкую фигуру издателя - ибо мало их не богомерзких-то...» (Короленко В. Г. Соч., т. 10, с. 231.).

Также поступал Короленко в своей журналистской практике. Но из этой же практики видно, что такая тактика не могла

привести к изменению лица легальной печати, а могла только уберечь литератора от «подлостей».

Особенно ярко это давление газеты на писателя проявилось в газетной работе Лескова. Лесков после публикации своих первых крупных произведений - романов антинигилистической направленности - в силу идейной неустойчивости, тяжелых нравственных и материальных условий должен был долгие годы искать литературного пристанища.

С 1860 по 1894 г. он печатался, кроме журналов, приблизительно в 15 газетах и нескольких иллюстрированных еженедельниках. Письма его переполнены скорбными жалобами на свою неустроенность, зависимость от работодателей.

Подробно рассказывая о начале своей литературной деятельности в письме председателю Литературного фонда Е. П. Ковалевскому в 1867 г., Лесков пишет: «Существую я исключительно одними трудами литературными... Год целый работал в газете «Русская речь» Евгении Тур; писал в «Современной летописи» Каткова; потом два года кряду... писал передовые статьи в «Северной пчеле» у г. Усова. Год провел в Париже корреспондентом этой газеты» (Лесков Н. С. Соч., т. 10, с. 261.).

О своей неустроенности в газетной жизни и о затягивающем влиянии газетной работы пишет он в письме И. Аксакову в 1881 г.: «За мною действительно немножко ухаживают, но не то мне нужно и дорого. Имя мое шляется везде как гулевая девка, и я ее не могу унять. Я ничего не пишу в «Новостях» и не знаю Гриппенберга, но когда мне негде было печатать,- я там кое-что напечатал, и с тех пор меня числят по их департаменту. Не отказать же Татьяне Петровне Пассек.., не откажешь своим киевлянам, трудно отказать и Лейкину... Суворин действительно запасся от меня маленьким пустяком, ...Гатцуку я написал давно обещанный рассказец рядового святочного содержания...» (Лесков Н. С. Соч., т. 11, с. 255 - 256.).

В 1884 г. в письме П. К. Щебальскому мы читаем: «Лучшие годы жизни и сил я слонялся по маленьким газеткам, да по духовным журнальчикам, где мне платили по 30 р. за лист, а без того я умер бы с голоду со всем семейством» (Лесков Н. С. Соч., т. 11, с. 295.).

Письмо Суворину от 24 января 1887 г. Снова жалоба: «Я уже привык слоняться, где бы только просунуть то, что считаю честным и полезным» (Там же, с. 327.). Ему же через год: «Одно забываете, что лучшие годы мне негде было заработать хлеба... В самую силу сил моих я «завивал в; парикмахерской у монаха» статейки для «Православного обозрения».., изнывая в

нуждательстве и безработице,, когда силы рвались наружу... Не укоряйте меня в том, что я работал. Это страшная драма! Я работал что брали, а не что я хотел работать. От этого воспоминания кровь кипит в жилах. Героем быть трудно, когда голод и холод терзает...» (Там же, с. 384 - 385.) .

Один из лучших своих рассказов «Чертогон», опубликованный первоначально под заглавием «Рождественский вечер у ипохондрика», писался по-газетному второпях, по просьбе Суворина для рождественского номера. «Делано лежа и наскоро, - пишет Лесков Суворину.- Я только не хотел Вам отказывать и делал, как мог. Теперь и переделал, как хочется Вам» (Недатированное письмо за декабрь 1879 г. Цит. по кн.: Лесков Н. С. Избранные сочинения. М., 1946, с. 455.). Это поистине была драма!

Лесков лучше других чувствовал и понимал, что журнал, газета уже в 70-е годы подчиняли себе писателя, делали его сторонником своего направления. Писатель не мог оставаться вне этого направления. Отстаивание своего я, своего лица было весьма непросто. Об этом он пишет в ряде писем И. С. Аксакову в 1874 г. Причем он чувствовал, что его подчиняли себе и «Русский вестник», и «Русский мир» и другие органы, например, газета «Новости». «Мне надо выбиться из-под давления журнализма,., стать вне зависимости от всеподаввляющего журнализма» (Лесков Н. С. Соч., т. 10, с. 362, 364.),- считал он. Так оно и было в массе случаев: газета подчиняла себе литератора.

Ведь не случайно Михайловский удивлялся «неиспорченности» Чехова, тому, что Чехов сумел избежать и лейковщины и нововременства. Это было необычно. Нормой было другое - подчинение писателя газете, журналу, их направлению и ориентации.

И здесь, заметим, говорить о всеядности, безразличии Лескова к изданию, где он печатал статьи и рассказы, надо очень осторожно и тем более не спешить с осуждением писателя. Лесков не одобрял идейной неразборчивости, пестроты буржуазного типа издания, «аферистичности» его, издателя Трубникова называл «плутом», а о его газете «Биржевые ведомости» говорил как о «трубниковском «биржевом сквере» (Лесков Н. С. Соч., т. 10, с. 326.). Но где-то надо было печататься. Субъективно Лесков понимал и хотел сохранить независимость («в деятельности писателя особенно важно сохранить независимость»), но объективно ему это не всегда удавалось, ибо политическая невоспитанность мешала этому многие годы.

Но мы не можем смешивать и не смешиваем Лескова с изданиями, где он подчас работал. Не смешивало его и цензурное

ведомство, накладывая кары на многие его произведения, публиковавшиеся в заведомо консервативных, благонамеренных изданиях, особенно в газетах (Так было со статьей «Об уборе духовенства», опубликованной в газете «Новости» в 1878 г. Характерна мотивация цензора: «Статья... обращает на себя внимание изобилием пренебрежительных неприличных отзывов о всем костюме духовенства... Подобные площадные, ругательные выражения... не должны быть терпимы в газете, имеющей в среде своих читателей по преимуществу простой народ, способный соблазниться печатным словом и потерять уважение к духовному сану» (ЦГИА. Дело по изданию газеты «Новости», 1871. ф. 777, оп. 2, ед. хр. № 35, л. 290).).

Поэтому и Чехов очень осторожно относился к оценке многих работников периодической прессы. Он не мог отозваться плохо, скажем, о Гиляровском, хотя тот сотрудничал в ряде газет сомнительной репутации («Московский листок», «Современные известия», «Русская газета»).

Интересный факт биографии Чехова, иллюстрирующий его отношение к деятельности газетного корреспондента сохранил цензурный архив «Петербургской газеты». Зимой 1891 г. Чехов посетил Петербург. 22 января в качестве сотрудника газеты «Новое время» писатель участвовал в осмотре новых городских скотобоен. После осмотра Городской думой был дан для присутствующих завтрак. Когда были провозглашены дежурные тосты в честь городских властей, выступил представитель журнала «Коннозаводство» и Общества покровителей животных гвардии поручик В. Линдер с резкой критикой статьи «От великого до смешного» в № 21 «Петербургской газеты», в которой высмеивались заседания Общества покровителей животных. На основании того, что «читатели «Петербургской газеты» в подавляющем процентном отношении состоят из посетителей трактиров разряда ниже среднего, из содержателей и служащих мясных и иных лавок, дворников и всех прочих», Линдер потребовал не только осуждения, но и «преследования» газеты, а также журналиста, написавшего указанную заметку (ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. № 452, л. 226 - 228. Оригинал текста опровержения Линдера для «Петербургской газеты». В газетном тексте опровержения Линдера вместо слов «непременно окрашенные возможно более ярким глумлением» читаем: «отчеты определенного направления» («Петербургская газета», 1891, № 44, 14 февраля), а сама газета слова Чехова изложила следующим образом: «Господа, зачем же обвинять корреспондента. От него требуют, чтобы он писал веселым тоном. Читатели газеты любят этот тон...» (Там же, № 21, 22 января).).

«Присутствовавшие все согласились», - отмечает Линдер.- Один лишь сотрудник «Нового времени», А. П. Чехов, заметил, «что не следует обвинять репортера, так как он обязан, по долгу службы, представлять в редакцию отчеты, непременно окрашенные возможно более ярким глумлением. Можно не одобрять направления газеты, в котором сотрудник часто невиновен, но его самого винить и преследовать не следует» (Там же, с. 228, 228 об. Сам факт присутствия Чехова при осмотре петербургских скотобоен и выступление на завтраке против Линдера не был отмечен в «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова».).

Приведенные слова Чехова не вызывают сомнения в их близости к сказанному на завтраке, поскольку в письмах Чехова мы находим не раз созвучные высказывания. Так, в письме М. В. Киселевой от 14 января 1887 г. Чехов горячо защищает рядовых сотрудников газетной печати, их право писать об отрицательных явлениях жизни. «Снисходительно-презрительный тон по отношению к маленьким людям за то только, что они маленькие, не делает чести человеческому сердцу. В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии - так говорит голова, а сердце должно говорить еще больше...» (XI, 114).

«Что бы вы сказали, если бы корреспондент из чувства брезгливости или из желания доставить удовольствие читателям описывал бы одних только честных городских голов, возвышенных барынь и добродетельных железнодорожников?» (XI, 113).

А именно этого и требовал Линдер от печати. Чехов в полемике с ним показал ясное понимание положения писателя, репортера, который мог быть и неплохим человеком, но целиком подчиненным программе, направлению газеты, наконец, редактору издания, в котором сотрудничал.

Чехов воздерживался от резких публичных оценок отдельных журналистов и по политическим мотивам, ибо очень часто такие порицания в условиях царизма, «в азиатской стране, где нет свободы печати и свободы совести, где правительство и 9/10 общества смотрят на журналиста, как на врага,... такие забавы, как обливание помоями друг друга... ставят пишущих в смешное и жалкое положение зверьков, которые, попав в клетку, откусывают друг другу хвосты» (XII, 321).

«При современном зависимом положении печати всякое слово против журнала или писателя является не только безжалостным и нетактичным, но и прямо-таки преступным» (XI, 430), - писал он.

Так было и в случае с Линдером, который фактически

воспользовался завтраком в думе, чтобы донести на «Петербургскую газету», ее репортера. И не случайно газета откликнулась на речь Линдера заметкой под названием «Тризна о прессе».

Итак, мы видели, каково было положение крупных, талантливых, признанных писателей и каково было положение менее известных и авторитетных литераторов. Не одна писательская судьба была загублена в газете дореволюционной России!

Но идейная устойчивость Чехова, Короленко и позднее целой плеяды талантливых газетных беллетристов вплоть до Горького и Серафимовича была несомненна. Газетам, где они печатались (как правило, либерально-буржуазным по своему направлению), не удалось повлиять на их мировоззрение и художественные принципы. Скорее они влияли на газету, особенно в том смысле, что воспитывали определенную традицию.

Может быть поэтому и проистекает разное восприятие, разная эмоциональная оценка своего сотрудничества в ежедневной и еженедельной прессе 80-х годов у Чехова и Лескова. Лесков склонен к драматической оценке (ибо не всегда умел отстоять свои прогрессивные позиции), Чехов же к насмешливо-юмористической и даже подчас к внешне беззаботной, веселой оценке, поскольку он, как никто другой, умел хранить свою независимость и верность общедемократическим идеалам.

Михайловский и другие либерально-народнические критики переоценивали влияние «Нового времени» на Чехова, но их ошибка была не принципиальная, а конкретно-персональная. Опасаться за судьбу писателя в «Новом «времени», безусловно, следовало. Буржуазная печать порабощала писателя. Но не была она и всесильной.

* * *

Многие произведения Чехова-журналиста, особенно сибирские очерки, очерки о Сахалине, такие статьи, как «Н. М. Пржевальский», вошли в золотой фонд русской публицистики.

Огромной сатирической силы исполнены созданные писателем в рассказах «Унтер Пришибеев», «Человек в футляре», «Хамелеон» образы унтера Пришибеева, учителя Беликова, полицейского надзирателя Очумелова. Драматически страшен и ненавистен больничный сторож Никита, отвратителен Чимша-Гималайский. Все произведения Чехова в совокупности, и те, в которых он протестовал против самодержавного гнета, и те, в

которых он выразил горячую веру в лучшее будущее своего народа, служили великому делу освободительной борьбы.

У него, крупнейшего мастера художественного слова, как подчеркивала Н. К. Крупская (См.: Громов Л. П. Этюды о Чехове. Ростов, 1951, с. 106.), учились и учатся новые поколения журналистов-общественников вглядываться в жизнь, в людей, учатся замечать в людях талант, энергию, самоотверженность в труде, героизм, их стремление к миру и лучшему будущему.

Чехов не просто участвовал в периодической печати как писатель. Своим творчеством, общением с литераторами и журналистами он существенно влиял на ее содержание, способствовал выработке новых форм газетно-журнального жанра новеллы, короткого рассказа, без которого немыслима сегодня ни одна современная газета.

Чеховские традиции газетной работы близки и дороги всем советским писателям и журналистам.

Не случайно К. Федин писал в юбилейном номере «Правды», отмечавшей свое 50-летие: «Я всегда вспоминаю отношение к газете Алексея Максимовича Горького и думаю об отношении к газете Антона Павловича Чехова. Это как будто совершенно разные вещи, а по существу - одно и то же. Горький и Чехов не гнушались газеты - они любили ее. Многие из их лучших рассказов прошли газету. И это было уместно. Мне кажется, и в «Правде» писательские рассказы очень уместны. Ее тиражи насчитывают сейчас миллионы экземпляров. Это означает огромное влияние на множество людей».

И далее: «Связь газеты с писателями чеховского склада, отличающегося строгим реализмом в изобразительности и поэтичными, мягкими красками,- такая связь может быть очень плодотворной. Она не меньше нужна газете, нежели выступления художников, отражающих нашу современность языком рассказа аналитического, поучительного или же языком очерка, имеющего познавательный интерес... Оттого что в России был Чехов, мы очень богаты».

Чехов являет собой высший образец журналиста патриота и демократа, отдавшего весь свой талант на службу своему народу, своей родине.

Все творчество Чехова и сейчас служит воспитанию высоких нравственных качеств человека нового коммунистического общества.

notes

Notes